

聖母主教座堂
天主教新嘉坡教區

新嘉坡

- [Луи Жаколио](#)
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [VIII](#)
 - [IX](#)
-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Луи Жаколио
Питкернское преступление

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем рассказе передается правдивая история о бунте английских моряков на судне «Bounty» и их высадке на острове Питкерн в Тихом океане, где их удалось отыскать только спустя тридцать лет, когда уже преступление покрылось налетом забвения.

Все малейшие детали этого необычайного приключения взяты мною как из корабельного журнала, так и из дневника одного из участников этой драмы, гардемарина Юнга.

В Питкерне мне пришлось побывать два раза, а именно в 1868 году и в 1871, когда я жил на острове Таити. Там мне удалось познакомиться со старым Адамсом, бывшим штурманом на «Bounty», патриархально управлявшим колонией, и его многочисленными внуками. Один из них, плотник Бембридж, работал над постройкой дома в долине Фаатаца. И не проходило дня, что бы я не завел с ним разговора об этом интересном событии, о котором он знал массу мельчайших подробностей от своей матери, дочери Адамса.

Таким образом, я имел возможность к официальным фактам прибавить еще факты, сохраненные преданием.

О причинах бунта в официальном сообщении говорилось глухо, они были объяснены раздорами, возникшими между командиром и его помощником, двумя старшими офицерами судна. Но истинное происхождение этих распри, которые привели к катастрофе, так и осталось тайной Адмиралтейства.

Закинутые несчастным стечением обстоятельств на маленький остров, едва известный мореплавателям, помощник Христиан и штурман Адамс, которых несчастье сравняло в положении, часто вели продолжительные и откровенные разговоры. Особенно же Христиан любил рассуждать о том несчастном стечении обстоятельств, которые привели его к катастрофе, его, которого ожидала блестящая будущность. Кто знает, быть может, в этих искренних излияниях о перенесенных страданиях он думал найти успокоение для своей исстрадавшейся души.

И вот, благодаря этим продолжительным беседам, я имел возможность узнать от детей тех, которые играли в Питкернском преступлении главные роли, самые откровенные стороны этой драмы.

Всякий, прочитавший этот рассказ, может убедиться, что в нем соединены более сильные интересы, чем те, которые описываются в

романах.

Сохраняя для этих происшествий форму рассказа, наиболее подходящую в данном случае, я попутно укажу на нравы, верования и обычаи этих мало изученных стран. Питкернское преступление будет служить мне, так сказать, рамкой для описания этих картин.

I

Отъезд — Виллиам Блиг и Христиан — Роковая дуэль — Смерть Елены

В декабре 1787 года, к которому относится начало нашего рассказа, в порту Плимут оканчивалось вооружение английского брига «Bounty», который должен был идти по приказу правительства к архипелагу Полинезии, чтобы взять оттуда хлебные деревья и всевозможные виды растений этой части океана с целью акклиматизации их в британских колониях. Это судно, несмотря на небольшое водоизмещение, — всего двести пятьдесят тонн, — было построено прочно и отличалось прекрасным ходом, благодаря чему все моряки, имевшие право командовать этим судном, добивались этой чести, тем более, что подобное специальное поручение, с которым посыпался бриг, сулило после возвращения награды.

Экипаж был набран из самых лучших моряков, а Лондонское Королевское Общество само указало ботаника и садовника, которые должны отправиться вместе с экспедицией. Был уже назначен и высший судовой состав, который состоял из трех офицеров и стольких же гардемаринов, лейтенанта, штурмана и доктора, и бриг был уже совершенно готов к дальнему плаванию. А команда и его помощника все еще не могли выбрать среди той массы кандидатов, которые буквально осаждали Адмиралтейство с просьбою о назначении, как будто бы дело шло о назначении команда целой эскадры.

Но вот, наконец, двенадцатого декабря последовал приказ о назначении командром судна лейтенанта Вильяма Блига, по указанию которого в качестве старшего офицера был назначен мичман Христиан, а двадцать пятого числа того же месяца бриг «Bounty» летел на всех парусах по водам Ла-Манша.

Виллиам Блиг был человек образованный и энергичный, но из-за резкости его скорее боялись, чем любили, и только один Христиан был рад сделать плавание под его начальством. Он уже не один раз плавал с Блигом, своим бывшим школьным товарищем, и был убежден в счастливом исходе путешествия. И это убеждение имело тем больше оснований, что на всех судах, на которых им приходилось совершать вместе плавания, они всегда

оставались приятелями, несмотря на разницу в чинах, так как оба были субалтерн-офицерами, и Бигл никогда не имел случая показать власть над своим приятелем.

Что же касается Христиана, то несмотря на то, что он имел характер более мягкий, отличался той же решительностью и энергией, как и командир «Bounty». Несомненно, что Христиан и Вильям Блиг, имевшие так много общего между собой, рано или поздно должны были столкнуться. Дальше будет рассказано об одном обстоятельстве их прошлой жизни, которое, казалось, должно было бы предохранить их от этого столкновения и в то же время выяснить, как могло случиться, что при первом же недоразумении их дружба разлетелась, как дым. Удивительная вещь, что океан, который человек покорил себе только для того, чтобы быть его постоянной игрушкой, оказывает на характер человека такое же влияние, как на судно, которое отдается на волю его волн.

Тем, кому приходилось совершать большие морские переходы без всяких остановок, знакомо то чувство, которое я назову нравственной морской болезнью, и которое вызывается оторванностью от суши, одиночеством, узким кругом сношений и однообразием зрелища, тогда судно является настоящей морской тюрьмой, угнетающе действующей на человека. Самые уравновешенные люди становятся нервными, раздражительными и бывает достаточно самого ничтожного повода, чтобы разгорались страсти. Если вы моряк, то вам знакомо это, хотя вы и не смеете сознаться, но всякий другой, будь он служащий или пассажир, томиться по земле, один вид которой возрождает его. Я не буду спорить с поэтами, что нет ничего прекраснее бушующего моря или солнца, закатывающегося или восходящего из волн, но только с тем условием, чтобы смотреть на эти величественные картины с суши. Человек не приспособлен для постоянной жизни в воздухе или на воде и, если ему и удается временно изменить условия своего существования, то только ценою нравственных и физических страданий. Надо сознаться в этой истине и не восхищаться морем из рабского подражания. В течение моих двадцати летних скитаний по белу свету мне не раз приходилось бороздить по всем направлениям воды океана и даже два раза на «Эриманте» чуть не пришлось расстаться с жизнью на дне Индийского океана, если бы не случай, спасший нас от циклона, ездил я и на канакских лодках с местными туземцами на острова и островки Океании, и все-таки, несмотря на то, что должен был бы привыкнуть к морю, я все-таки смотрю на него, как на опасную дорогу, которой в силу необходимости приходится пользоваться человеку.

Если море разжигает страсти, то земля, наоборот, их укрощает, и нет ничего любопытнее, как наблюдать за кружком офицеров после продолжительного безостановочного плавания, старший офицер и доктор поссорились на смерть, у лейтенантов и мичманов в недалеком будущем несколько дуэлей, но стоит им только ступить на землю, как все устраивается к общему благополучию. Но случается и так, что забытые на суше обиды и оскорблении, оживленные продолжительностью переходов, вновь воскресают и ведут к катастрофе, которую трудно было ожидать. Вот таким-то образом старое воспоминание о соперничестве должно было поссорить двух офицеров брига «Bounty», которые, казалось, были связаны теснейшими узами дружбы.

В то время, когда Бриг и Христиан приехали к своим общим знакомым в окрестность Глазгова, чтобы провести там несколько свободных месяцев, первый из них только что получил мичманские эполеты, а второй был еще гардемарином. Оба они начали ухаживать за девушкой из этого семейства, мисс Еленой, которая отдала предпочтение красивому и молодому гардемарину. Виллиаму Блигу надо было бы поскорее уехать, чтобы постараться забыть свое горе, но он остался и только еще больше растревял свою рану видом счастливой, молодой пары.

Однажды, когда свадьба Елены и Христиана уже была решена, и они все катались верхом, Блиг, предложил скакать наперегонки до ближайшей деревни, отстоявшей от них на расстоянии девяти английских миль.

Предложение это было принято, и спутники пустили своих лошадей во всю мочь. Мисс Елена была прекрасной наездницей и кроме того сидела на кровной лошади, а потому уже через полчаса сделала две трети пути до деревушки Нортонь. Христиан не старался обогнать свою невесту и довольствовался тем, что скакал сзади, но Блиг, рас горяченный быстрой ездой, забыл, что имеет соперником женщину, и, сделав отчаянные усилия, обогнал Христиана и поравнялся с Еленой. Но в этот момент в вечерних сумерках прозвучал голос молодой девушки, сообщавшей, что она доскакала до первого дома деревни.

Блиг довольно весело признал победу мисс Елены и только выразил сожаление, что не может, как в древние времена, служить ей до конца своих дней.

Но тут счел нужным вмешаться Христиан.

— Это поражение уж слишком бы походило на победу, дорогой мой, — сказал он.

В это время Елена, умирая от жажды, удалилась на ферму, чтобы попросить стакан молока.

Друзья остались совершенно одни, и разговор не замедлил возобновиться.

— Мне кажется, что вы не судья в этом деле, Христиан, да в конце концов не все ли равно вам это, — проговорил Виллиам.

— Ну, нет, извините.

— Так по какому же праву, объясните мне?

— Подумайте, каким тоном вы спрашиваете!

— Я еще раз спрашиваю, по какому праву вы вмешались! — повторил Блиг, повышая голос.

— По праву всякого порядочного человека — защищать свою невесту от диких притязаний.

— Христиан!

— Виллиам!

— Вы, кажется, ищете повода к дуэли?

— А вы хотите сказать, что не боитесь ее?

— Пусть будет так! В котором часу?

— Как вам будет угодно.

— Где?

— Мне безразлично.

— Оружие?

— Ваше.

И молодые люди, дождавшись Елену, отправились домой, перекидываясь по дороге шутками, как ни в чем ни бывало, и никто не мог бы подумать, что они только что условились драться.

На следующий день рано утром состоялась дуэль на шпагах. Противники одинаково хорошо владели оружием, и долго дуэль не имела никакого результата, когда, наконец, Христиану удалось ранить своего друга в правую руку. Тот в бессильной ярости не согласился признать себя побежденным и схватил шпагу левой рукой, чтобы продолжать поединок, но тут вмешались секунданты и прекратили дуэль помимо воли сражавшихся. Однако, Виллиам отказался протянуть руку своему противнику и, раздражаясь все больше и больше, проговорил:

— Мы еще будем продолжать дуэль, как только я вылечусь.

— Как вам будет угодно, — отвечал Христиан. Затем они, мирно разговаривая, пошли к замку Эдин и условились объяснить происхождение раны Виллиами простой случайностью.

Но каково было их горе, когда, прия в замок, они узнали от прислуки, что мисс Елена после вчерашней поездки почувствовала себя настолько плохо, что слегла в постель.

Доктор, немедленно вызванный к больной, объявил, что у нее острое воспаление легких, вызванное стаканом холодного молока, который она выпила после бешеной скачки.

Спустя три дня Эдвин-Галь погрузился в траур, и убитые несчастьем Христиан и Виллиам проводили дорогого человека до последнего жилища.

Все было забыто, и Христиан с Виллиамом поклялись в вечной дружбе над дорогой могилой. Прошло уже десять лет после смерти Елены, и друзья еще ни разу не нарушили своей клятвы. Блиг уже успел жениться и давно был лейтенантом, когда его назначили командиром судна «*Bounty*» и обещали после успешного плавания произвести в капитаны. Что же касается Христиана, оставшегося верным памяти Елены, то он был только что произведен в лейтенанты и выбран Блигом себе в помощники.

Со времени трагического случая в Эдвин-Галь, друзья не , теряли друг друга из виду и оказывали по мере сил один другому разные одолжения. Случилось однажды, что отец Христиана, занявшись коммерческой деятельностью, совершенно разорился, и ему грозило банкротство. Тогда Блиг, помня свою клятву в верной дружбе, отдал все, что имел, отцу Христиана, и тем спас его от нищеты. Этот благородный поступок еще больше увеличил преданность и привязанность Христиана к Виллиаму, и он, не колеблясь, согласился на предложение своего друга.

Несмотря на такую трогательную дружбу, для всякого, кто знал хорошо характеры обоих офицеров, не было тайной, что при первом же столкновении все узы, связывающие их дружбу, сразу порвутся. И если до сих пор ничто не омрачило их дружбу, то только потому, что никто из них не мог приказывать другому... А там, дальше, во время предстоящего плавания, образ Елены рано или поздно должен был встать между ними. Сами они конечно были далеки от подобных предположений и не ожидали страшной развязки.

Таковы были характеры и прошлое этих людей, которых судьба, как будто нарочно, соединила для продолжительного плавания на одном судне.

II

Разрыв

Как известно, дисциплина на английских военных судах страшно строга, но Виллиам Блиг не довольствовался безусловным исполнением его приказаний и увеличил свою строгость до таких размеров, что вскоре заслужил всеобщую ненависть как со стороны всех офицеров, так и матросов, обременяемых непосильными работами.

До поры до времени Блиг сдерживал себя по отношению к другу и щадил его самолюбие, в то время как Христиан, отличавшийся любовью к делу, справедливостью и открытым характером, всячески старался смягчить впечатление строгости начальника и вскоре заслужил всеобщую любовь и преданность.

От Блига это не могло не укрыться, и он вскоре почувствовал зависть к своему другу, которую не сумел даже скрыть.

Между тем путешествие уже близилось к концу. «Bounty» счастливо обогнул мыс Доброй Надежды и теперь приближался к Новой Гвинеи, успев уже сделать три четверти пути. Все шло тюка хорошо. Блиг, несмотря на свой пылкий темперамент, был настолько благороден, что не делал замечаний Христиану, но допустил громадную ошибку, которая и привела к катастрофе.

Христиан, как старший офицер судна, должен был председательствовать за офицерским столом, но Блиг, который хотел оказать внимание своему другу и быть менее одиноким, предложил Христиану обедать с ним.

Казалось, что этим двум людям было мало находиться на одном судне, и они как будто нарочно старались увеличить трудности совместного путешествия. И было чудом, что оба офицера благополучно достигли архипелага Полинезии.

Оставалось только две недели пути до любимого моряками всех наций острова Таити, откуда можно было, согласно приказанию английского Адмиралтейства, забрать коллекцию местных деревьев и растений и переправить их в американские колонии с целью акклиматизации.

Однажды, сядясь за стол, Блиг сделал замечание своему помощнику.

— Мне кажется, дорогой Христиан, что вы слишком мягки с

подчиненными, и что дисциплина у нас с каждым днем падает, а раз началось, то трудно предвидеть, чем все это может закончиться.

— Очень жалею, Виллиам, что я не могу согласиться с вами, я ничего не заметил, что могло бы подтвердить ваши слова.

— С некоторых пор я стал замечать, что наши люди стали одеваться в какие-то фантастические костюмы, можно подумать, что находишься на испанском судне.

— Простите меня, но я вас право не понимаю.

— Извольте. Еще сегодня утром я видел нескольких матросов в соломенных шляпах.

— И только? — смеясь, проговорил Христиан.

— Так вам еще мало?

— Но вы сами должны понять, мой друг, что было бы слишком жестоко заставлять этих бедняков носить на экваторе суконные шапки.

— Тогда я должен напомнить вам правило: шапка иди непокрытая голова.

— Я знаю, что по правилам в костюме матроса не полагается соломенной шляпы, но на самом деле этот головной убор настолько терпим во флоте, что матросы всегда запасаются одной или двумя шляпами, когда идут в плавание к тропикам.

— И все это делается против правил, — с упрямством повторил Блиг.

— Можете быть спокойны, этот вопрос рассматривается в Адмиралтействе, и командирам судов предоставлено в данном случае поступать, как им угодно.

— Потому-то я и высказываю вам мой взгляд.

— Должен вам повторить еще раз, что я не согласен с ним.

— Это безразлично, но вам придется это сделать, — отвечал Блиг уже с некоторым раздражением.

— Так вы серьезно говорите?

— Меня удивляет, что вы еще могли сомневаться.

— Это официальный приказ?

— Да.

— Хорошо, но в таком случае потрудитесь отдать мне ваше распоряжение сегодня вечером или завтра утром в приказ.

— Я не привык повторять замечания...

— Это было бы понятно только в том случае...

— Что вы говорите?

— Я сейчас не на службе, а за обедом.

— В таком случае я должен вам заметить, сударь, — возразил Блиг,

который был в этот день особенно не в духе, — что помощник капитана всегда на службе, и капитан судна может делать ему замечания, когда угодно.

Христиан готов уже был отвечать в таком же духе, но благоразумие взяло верх, и он сдержался.

— Пускай будет так. Завтра же ваше приказание будет исполнено, — отвечал он совершенно спокойно.

— Офицеры также должны будут подчиниться приказанию, — прибавил Блиг, на которого хладнокровие друга подействовало возбуждающее.

— Конечно, офицеры особенно.

— Вы проговорили это таким тоном...

— Офицеры всегда должны подавать пример.

— Так не хотите ли уж вы сказать, что я, командир...

— Успокойтесь, друг мой, — проговорил Христиан, стараясь не волноваться, — все это не стоит того, чтобы мы ссорились. Вы желаете, чтобы буква закона была соблюдена, и это будет исполнено, но ради самого Бога, не дадим простичь этому прекрасному супу.

— Я думаю, что мне нечего учиться у вас, как вести себя, и я прошу вас в будущем не противоречить моим приказаниям.

— Но уверяю вас...

— Оставьте! Мне не нравится ваше поведение, и я докажу, что на судне один командир.

— Блиг!

— Скоро уже восемь месяцев, как мы отплыли, и все это время вы только и стараетесь все сделать мне наперекор и добиться расположения экипажа.

— Мой милый Блиг!

— Попрошу вас не забывать, что вы говорите с командиром судна, и что здесь нет больше милого Блига.

— Будьте спокойны, я больше никогда не забуду этого, — проговорил Христиан, выведенный из себя.

Сказав это, молодой человек встал. Он с трудом удерживался, чтобы не сказать какой-нибудь резкости командиру.

— Подумайте, что вы делаете, — сказал ему Блиг с гневом.

Какую незаменимую услугу оказалось бы им самое ничтожное обстоятельство, которое в эту критическую минуту положило бы конец их разговору.

Но случай не пришел на помощь, и ссора этих двух одинаково

энергичных и вспыльчивых людей не могла окончиться иначе, как полным разрывом.

Христиан был оскорблен до глубины души, а начальническое положение Блига, которым он злоупотребил в разговоре со своим помощником, делало всякое примирение невозможным..

И на вопрос Блига Христиан отвечал с едва сохраняемым хладнокровием:

— Я не ожидаю ваших приказаний, которые вы, по всей видимости, намереваетесь дать мне.

— Я приказываю вам не противоречить мне.

В таком случае мне остается только уйти и занять принадлежащее мне место за офицерским столом, которое я напрасно оставил.

— А я запрещаю вам уходить.

— Вы не смеете задерживать меня только для того, чтобы оскорблять.

— Кажется, я один здесь начальник...

— Не заставляйте меня забыть это.

— Как, угрозы! — закричал в ярости Блиг. — Угрозы! Это вы мне угрожаете, мне, который спас ваше семейство от позора...

— Виллиам Блиг!

— Мне, который, несмотря на вашу неспособность...

— Молчать, убийца Елены! — вскричал Христиан с негодованием. —

Молчать, или я... — и, с этими словами помощник командира схватил висевшую на стене саблю и стал потрясать ею над головой Блига.

Хорошо еще было, что никто из посторонних не присутствовал при этой сцене... Помощник командира угрожает смертью своему начальнику! Нет сомнения, что не нашлось бы такого военного суда, который оправдал бы его, но в то же время всякий судья как человек обвинил бы Блига.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга, очевидно стараясь понять, как все это могло произойти, затем Христиан, заслышав шаги вестового, шедшего в каюту, бросил саблю в угол и выбежал на палубу, прежде чем Блиг, успевший опомниться, проговорил:

— Я прикажу его расстрелять как собаку!

Но это гораздо было легче сказать, чем сделать: морской кодекс, имея в виду те крайности, до которых могли дойти на море офицеры из личной мести, говорил, что недостаточно только одной жалобы, а нужны еще и доказательства.

А так как в данном случае доказательств не было, то и обвинение Христиана в открытом возмущении не имело под собой почвы, а потому штурман, позванный командиром, спокойно выслушав его требование

арестовать Христиана, отвечал:

— Благоволите дать мне письменное приказание.
— Как, вы отказываетесь?..
— Таков устав.

Слова штурмана отрезвили Блига, он понял, что смертельно оскорбил Христиана, и горько пожалел о происшедшей сцене. Одно мгновение он готов уже было послать за своим помощником, но гордость взяла верх, и, повернувшись спиной к штурману, проговорил:

— Можете идти, сударь, я больше вас не задерживаю, Адмиралтейство будет поставлено в известность, как понимают все здесь свои обязанности.

Штурман удалился.

Требуя письменного приказания об аресте Христиана, Эдуард Мартон, штурман на «Bounty», только воспользовался своим правом. Таким образом безграничая власть капитана корабля смягчилась его личной ответственностью.

Каждый офицер, будучи обвинен в неповиновении, может потребовать от своего командира письменного приказа, когда желает, чтобы ответственность за происшедшее пала не на него, а на капитана судна.

— Так, например, офицер в бурную погоду дежурит на судне, появляется капитан и приказывает ему исполнить какой-нибудь маневр, который правильно или нет, но офицер находит в данный момент опасным, тогда он сейчас же спросит:

— Вы берете на себя управление судном?

И если последует утвердительный ответ, то он оставляет свой пост и записывает все случившееся на его дежурстве в корабельный журнал: «в таком-то часу сменен с дежурства капитаном, который взял на себя управление судном».

В случае отказа, он вежливо заметит:

— Я нахожу ваш совет, капитан, немного рискованным, а потому и попрошу у вас разрешения не исполнять его.

Обыкновенно командир не настаивает, так как знает, что за всякое несчастье, произшедшее с судном, отвечает дежурный офицер, а потому вполне естественно, что его подчиненный не желает рисковать той ответственностью.

Подобным образом можно действовать во всех исключительных случаях.

Штурман «Bounty» совершенно правильно потребовал письменного приказания от своего командира на арест Христиана, так как оскорблению было нанесено с глазу на глаз, и, следовательно, следствие не могло бы

выяснить, кто был в действительности виноват.

Могло, конечно, случиться так, что чересчур пылкий командир, испугавшись последствий своего необдуманного поступка, легко мог свалить всю ответственность на штурмана, исполнявшего его приказание, и все только потому, что приказание было отдано в устной форме.

Офицеры судна, с которыми Блиг обращался чрезвычайно сурово, были искренно рады ссоре двух бывших друзей и приняли Христиана в столовой с распростертыми объятиями.

Командир «Bounty» вскоре после ссоры попробовал было сделать попытку к примирению, но поступил так неловко, что Христиан, не удостоив его ответом, повернулся к нему спиной: он был слишком оскорблен в самых своих священных чувствах, чтобы удовлетвориться простым извинением.

Таким образом сильная ненависть, разгоравшаяся все больше и больше между этими двумя людьми, должна была в конце концов привести к неизбежной катастрофе.

III

Прибытие на остров Тайти — Луч солнца — Эклога в Тихом океане

Вскоре после описанных событий «Bounty» прибыл на рейд острова Тайти, который Кук и Бугенвиль вполне справедливо называют новой Цитерой.

«По мере нашего приближения к острову, — говорит Бугенвиль, — нам навстречу выезжали все новые и новые пироги с туземцами, наконец их накопилось так много, что мы с трудом могли найти место, куда бросить якорь. Все они старались знаками показать свое расположение, кричали „тейе“, т. е. друг, и спрашивали гвоздей и серег. Вместе с мужчинами в пирогах находились и женщины, отличавшиеся редкой красотой и прекрасным телосложением. Большинство из этих женщин приехали без всяких одеяний, и только некоторые из них были искусно завернуты в куски материи»...

До установления французского протектората над островами подобный прием оказывался всем мореплавателям, и картина встречи, которую описывает нам французский адмирал, вполне верна.

И вот после восьмимесячного перехода «Bounty» кинул якорь в гавани Тайти. Вид земли и сотни пирог, наполненных туземцами, произвел на экипаж судна умиротворяющее действие: все ссоры, готовые уже выразиться в диких поступках, были забыты, и даже Блиг стал немного человечнее, несмотря на свой суровый темперамент. Он улыбался, сделался почти вежлив и не отдавал уже более бесцельных приказаний, так раздражавших в плавании моряков. Можно любить море безумно, но всегда после длительного перехода по страшной водной пустыне оставишь его с радостью. Что может быть приятнее, как очутиться в тени тропических лесов, где едва заметною струйкой пробиваются серебристые ручейки, видеть, как лучи солнца играют на листве задумчивых лесов, смотреть с невольным трепетом на громадные горы, вершины которых теряются в выси небес, смотреть на настоящих людей, еще не исковерканных цивилизацией, каждое слово которых свободно от всякой дисциплины... Все это живые и сильные удовольствия, но ими мы все же в значительной степени обязаны морю так же, как птица обязана клетке, а человек одиночному заключению тем счастьем, которое они испытывают,

очутившись снова на свободе.

Надо отдать справедливость Виллиаму Блигу, что он сделал доброе дело, сильно удивившее весь экипаж, ожидавший, что дисциплина будет здесь так же сурова, как и на море. По его приказанию всех людей разделили на пять групп, которые исполняли по очереди все работы на бриге, так что каждый матрос был занят из пяти дней только один. Наконец, в заключение Блиг объявил собравшимся офицерам, что имеет право на простоять на Таити пять или шесть месяцев.

Надо знать этот прелестный во всех отношениях остров, чтобы понять, с каким восторгом было принято это известие. Если бы Блиг был более ловок, то он мог бы заставить весь экипаж думать, что все его распоряжения продиктованы желанием сделать приятное своим подчиненным, но он не только не поступил так, но наоборот заставил всех думать, что действовал подобным образом в силу полученных приказаний.

И действительно, Адмиралтейство, назначив его командиром за блестящие способности в морском деле, знало его крайнюю суровость и ту железную дисциплину, которую он поддерживал строгими мерами среди матросов, а потому позаботилось само определить порядок стоянки на островах Товарищества. Когда узнали, что это распоряжение Блига вызвано приказанием свыше, то ему, конечно, никто не был благодарен за его мнимую снисходительность.

Тем не менее, в течение шестимесячной стоянки «Bounty», драма, которую я описываю, остановилась на мертвой точке. Казалось, что ненависть и рознь не могли существовать на этом поэтическом острове.

Здесь громадные пенящиеся волны с шумом разбиваются о гранитные и базальтовые скалы, там обширные равнины, покрытые душистыми цветами, орошаются многочисленными ручьями, через которые ползущие лианы перебрасывают живые мости, тогда как вдали виднеется задумчивый лес.

Таити представляет ряд очаровательных равнин, где все свидетельствует о неистощимом плодородии. Углубитесь в долину Фаатаца, и перед вами предстанет величественная картина, после двух часов ходьбы вы очутитесь перед гранитной стеной, высотой более пятисот метров, а выше еще увидите громадную гору, всю покрытую лесом, с вершиной которой спускается каскад. Дойдя до отвесной стены, бурный поток падает с высоты пяти или шести сот метров на базальтовую скалу и оттуда уже спокойно течет по равнине.

Здесь находятся знаменитые цитерские яблони со своими золотистыми плодами, целые леса лимонных и померанцевых деревьев стоят

совершенно не эксплуатируемые рукой человека, эти плоды поедаются дикими свиньями, отчего их мясо приобретает необычайно приятный вкус, громадные пальмы, листьями которых туземцы покрывают свои хижины, хлебные деревья и кокосовые пальмы занимают громадные пространства, доставляя здоровую и легкую пищу... И среди этой тропической растительности громадные ананасы, растущие без всякого ухода, смешивают свой запах с благоуханием тысячи всевозможных растений.

Под сенью этой роскошной растительности стоят легкие хижины туземцев, они покрыты громадными листьями, чего вполне достаточно, чтобы предохранить их обитателей от солнца и дождя, и ленивый, мечтательный таитянин живет, любуясь на океан, который, разбиваясь о рифы, окружает его родной остров пенящимся кольцом.

Если вы подойдете в полдень к любой из хижин, то увидите мужчин и женщин, беспечно отдыхающих или курящих сигаретки... Это час сиесты, и едва глава семейства заметит вас, как он тотчас же, хотя и с трудом, поднимется к вам навстречу и укажет место около себя на ковре из мха. Затем он в знак привета протянет вам свою сигаретку, а вы затянувшись, передадите ее соседу, и так она обойдет всех пока опять не попадет к хозяину, вам никто ничего не сказал, но вы уже член семейства.

Мало-помалу молодые девушки открывают глаза... От устремляют на вас бархатные взгляды, начинают курить быстрее и переговариваются между собою одними глазами. Наконец, они сговариваются, и одна из них поднимается дает вам докурить свою сигаретку, затем удаляется на не сколько шагов, чтобы сорвать какой-нибудь плод, который ловко бросает в вас, и убегает в лес.

Если вы ничего не имеете против смуглой дочери тропиков, то бежите за ней в лес, где и находите ее в нескольких шагах от хижины. Таитянка не умеет скрывать своих чувств и остается дочерью природы, страстно любящей и доказывающей свою любовь. Она верит, как бессмертные певцы Индии и Греции, что все в мире возобновляется и поддерживается любовью.

Когда вы, оставив лес, вернетесь вместе с молодой таитянкой под зеленую кровлю, старый начальник в восторге пожмет вам руку и назовет своим сыном... Тогда вы можете здесь оставаться недели, месяцы, годы, будете жить на общем поле, получать свою долю плодов, рыбы и птиц, но вместе с тем потеряете свое имя: например, красавица, которая, доставив вам новую родню, зовется Тофа — вахинэ (вахинэ означает женский пол), тогда вы к ее имени прибавите название женщины и будете уже называться Тофа-тан т. е. муж Тофы, ваши дети будут считаться законным и иметь

родню. Вы можете услышать, что их зовут счастливыми, и на ваш вопрос почему, вам ответят:

«Их любят дети, люди, как по ту сторону великого моря, так и здесь!..»

Этим они стараются намекнуть на европейское происхождение их отцов.

И в этой счастливой стране, где человек спокойно развивается под горячим солнцем, всякий чужестранец, сейчас же получает все гражданские права и его называют Тейо — брат, друг, — а девушка, сердце которой свободно, приветливо улыбается ему и говорит о своей любви. Нет после этого ничего удивительного, что даже серьезный Бугенвиль сознается, что сдерживать себя на Таити очень трудно.

Спустя двадцать четыре часа после прихода «Bounty», все офицеры и матросы по обычаю страны женились и разместились в бамбуковых и лиственных хижинах. Остров принял праздничный вид: жарились дикие свиньи, готовилась рыба в лимонном соусе, молодые островитянки усердно кололи кокосовые орехи для приготовления таро, этой важной принадлежности стола таитянина, а померанцевое вино, приготовленное еще накануне, бродило в особых сосудах.

На Таити вот уже несколько лет не заходило ни одно судно, а потому прибытие «Bounty» решено было отпраздновать торжественной амуромай, продолжавшейся пять или шесть дней, и в которой должны были принять участие все туземцы.

В течение шести месяцев, которые судно пробудет на Таити, и Виллиам Блиг будет покидать его лишь на короткое время, живя воспоминаниями о своей семье, а Христиан в обществе смуглой Моэ, красавицы королевской крови, забывать свою ненависть, я проведу читателя по этому красивому острову, на котором я пробыл несколько лет, и посвящу в его старые традиции и оригинальные нравы... А когда «Bounty» снимется с якоря, я возобновлю рассказ.

IV

Таити в древности — Миѳология — Легенды — Сходство полинезийцев с народами Азии — Парламент на Таити

Как известно, Таити славится своим необычайным плодородием, ровностью температуры, красотою и богатством растительности и легкостью жизни, но вместе с тем и в других отношениях этот остров заслуживает серьезного внимания путешественника и этнографа. Чтобы пролить свет на туманную загадку его происхождения, мы обратимся к чудесным легендам, распространенным среди местного населения и имеющим до известной степени сходство с древними преданиями Азии. Вот с этой-то, во многих отношениях интересной стороны, мы и начнем наше описание, пока экипаж «Bounty» отдыхает среди чудесной природы, а смуглые таитянки, украшенные цветами и напоминающие зрителю баядерок Индии и вакханок Греции, стараются развлечь усталых моряков.

Этот остров, удивительно сохранившийся и найденный в новейшее время, дает довольно верную картину древности. Слушая сказания, легенды и песни таитян, глядя на их жизнь и образ правления, на их жертвоприношения, их верования, их любовь к красноречию, их развитой, хотя и суеверный ум, можно смело представить, что в каком-нибудь уголке древнего мира всесокрушающее течение человеческой жизни вдруг остановилось... Возродившиеся в своей прежней жизни Геркуланум, Помпея, Фивы или Пальмира представляли бы подобное зрелище.

На Таити легенды и предания, которые мы передадим, сохранились с величайшим трудом. Здесь, как и везде, рвение миссионеров дошло до того, что разбивались надгробные камни и скульптура. И если в Индии им приходится приложить немало труда, чтобы уничтожить священные книги, то на этих маленьких островах они легко справились со своей задачей.

В преданиях и бытовых рассказах народов мы всегда найдем те или иные признаки, по которым можем определить, к какой группе следует причислить известное нам племя. Так посмотрим теперь, является ли «Книга Океании» оригинальным произведением или же представляет простой отголосок, который связывает полинезийцев с их братьями на каком-нибудь материке.

Это крайне интересное предание говорит так:

«Вначале ничего не было, кроме верховного бога Таароа, жившего в безграничном пространстве, сначала он сотворил воды и покрыл их морскими растениями, и бог Тано стал плавать на поверхности.

Затем Таароа, верховный бог, уронил в воду первобытное яйцо Румиа, которое было оплодотворено и блестело, как солнце.

Яйцо это пробыло в воде девять месяцев, но, наконец, морские волны разбили его, и оно произвело небо и землю.

Тогда Таароа соединил свое мужское начало Тано со своим женским началом Ина и произвел Оро, бога творца, который, в продолжение долгого времени, парил над страшными пропастями.

Он выдвинул из вод различные земли, скалы и священный остров Ройатеа, на котором выстроил Мараи и поклонился верховному богу Таароа.

Построив на этом острове пирогу, он в течение нескольких лет странствовал по морю, бросая в воды семена различных рыб, и это продолжалось до тех пор, пока море не было густо населено рыбами.

Возвратившись снова на Ройатеа, он посадил на берегу кокосовую пальму, чтобы привязать пирогу, и она дала чудесные плоды.

После этого он построил хижину для отдыха и стал плести сети из волокон кокосовой пальмы.

От Тано и Ина появился второй сын Тане, который пришел на Ройатеа, чтобы поссориться со своим братом, он взял его пирогу и разбил о выступ горы.

Рассерженный Оро бросился в погоню за Тане и в течение двух дней преследовал его по волнам, пока наконец не догнал у острова Тупаи, где между ними завязалась отчаянная борьба.

Победителем вышел Оро, он убил Тане и похоронил его тело под скалой острова Тупаи, а душу бросил на дно моря и приказал ему царствовать в этом страшном царстве.

Он запретил ему возвращаться на остров, чтобы найти свое тело, а так как брату он не верил, то произнес над его останками, погребенными под скалой острова Тупаи, табу.

Табу — это — запрещение, защищающее предмет, на который оно наложено как от бога, так и от человека. Еще и теперь в Океании табу пользуется всеобщим уважением туземцев.

В течение целого дня, Тане оставался в морской пучине, но как только солнце ушло с земли, чтобы освещать священное жилище Фенца но те Атуа (что буквально означает: земля бога), он вернулся на остров Тупаи, чтобы отыскать свое тело, но так никогда и не мог его найти. Тогда Оро,

пригрозив Тано и Ина, что свергнет их, если они произведут нового творца, возвратился на священный остров Ройатеа.

Здесь он выстроил новую пирогу, посадил майоре, хлебное дерево, чтобы было куда привязать пирогу, и хлебное дерево дало необычайные плоды.

Тогда он покрыл весь остров Ройатеа всевозможными деревьями, цветами и травами, а болота иньамом и таро, ветру же отдал приказ разнести семена деревьев, цветов и растений по разным землям.

Но Тане, соединившись с Марама, морем, произвел Гои, который явился на священный остров, чтобы отомстить за смерть своего отца.

Тогда Оро пришел в такую ярость, что задрожал весь мир, а Гои так испугался, что бежал под покровом надвигавшейся ночи, надеясь спастись от своего страшного противника.

Марама, чтобы помочь своему сыну скрыться, взбрасывала рассерженные волны до самого неба.

Увидев, что Ра, солнце ускоряет свое движение, чтобы дать возможность скрыться его врагу, Оро бросился на него и крепко привязал на вершине горы Моуна-Роя, находящейся на островах Моуна (Сандвичевых), чтобы он продолжал освещать его путь.

Догнав Гои, он схватил его и привел обратно на остров Тупаи, здесь он привязал его к рифу и приказал птице Оовеа все время клевать его внутренности.

Вернувшись на священный остров Ройатеа, он создал мужчину и женщину и дал им построенную им самим, хижину, пирогу, сети из кокосовых волокон и удочки.

Для того, чтобы они сами могли строить пироги для своих детей, он посадил Таману.

Он отдал им также на хранение Мараи, приказав приносить здесь жертвы.

Очень скоро Ройатеа, священный остров, покрылся жителями, но однажды, во время жертвоприношения, они забыли упомянуть имя высшего существа Таароа, на что последний так прогневался, что поднял морские волны, чтобы уничтожить их.

Оро, желая спасти Гороа и его семейство, посоветовал им скрыться на морском рифе Тоа-Марама, где и обещал их защитить от волн.

Гороа с семейством последовал совету и спасся таким образом от всеобщего истребления, но вскоре он возвратился на Ройатеа.

Дети снова наполнили долины. Но Оро, боявшийся, что дело его рук будет уничтожено, если дети Гороа будут по-прежнему небрежно

относиться к Мараи, решился помочь этому так.

Он указал созданным им людям всевозможные виды занятий и строго запретил уклоняться от тех, которые были назначены им.

Ореро-Техоасам (жрецам) он поручил заботиться о Мараи (храмах), об изображениях богов, жертвоприношениях и владеть всем, что только существует на свете.

Ариям он повелел защищать Мараи, воевать, управлять народом и выбирать дары, предназначенные Мараи и Ореро-Техоасам.

Раатирасам было приказано заниматься торговлей, возделыванием земли, исполнять приказания Ариев и обогащать Мараи дарами.

Манахунесы должны были служить всем трем классам, строить Мараи, священные хижины, делать пироги, ловить рыбу, нырять за перламутром, плести сети и т. д.

Но чтобы вознаградить Манахунесов за их труды, Оро постановил, что только из этой касты должны избираться Тамаине-Паретениасы (молодые девушки), обязанные поддерживать священный огонь в честь Оро, бога огня.

Когда таким образом безопасности храмов и вечности жертвоприношений ничто не угрожало, Оро сбросил с себя человеческий облик и скрыл его на острове Тупаи, а сам поднялся к жилищу Таароа и сел на его место.

Престарелый Джегуаго-Таароа тогда погрузился в глубокий сон и стал парить в пространстве, сохраняя, однако, все семена и начала всех веществ. Отдыхая так от трудов, он ожидал того времени, когда вселенная обратится в хаос, и когда он снова должен будет приняться за творение».

Эта «Океанийская Книга» имеет много общего с древними преданиями, родиною которых был священный Ганг.

Но мы здесь укажем только главные черты сходства.

Индусский законодатель Ману называет верховное существо именем Нарагона, тот, кто носится по водам.

«Океанийская Книга» говорит то же самое.

«Тано стал носиться по поверхности».

Ману говорит ему:

«... Сначала он создал воды и бросил в них семя, семя это превратилось в яйцо, которое блестело как золото и сверкало, как звезда с тысячами лучей».

«Океанийская Книга» повторяет:

«Таароа уронил в лоно вод первобытное яйцо Румиа, блестящее как солнце».

Ману продолжает:

«Раздробив свое тело на две части, могучий властелин стал наполовину мужчиной, наполовину женщиной и, слившись с женщиной, произвел Вираджу».

«Океанийская Книга»:

«Тогда Таароа соединил свое мужское начало Тано со своим женским началом Ина и произвел Оро, бога творца».

Ману:

«Чтобы произвести род человеческий, Брама, из своего рта, руки, икры и ноги, произвел Браминов, Кшатрия, Вайсия и Судра... и всем им дал занятия.

Брамины должны были изучать Веды, приносить жертвы и имели право получать доходы с народа.

Кшатриям он приказал учить народ, давать милостыню, читать священные книги и избегать чувственных удовольствий.

Обязанности Вайсиев заключались в следующем: ухаживать за животными, подавать милостыню, посвящать богам священные книги, торговать, возделывать землю.

Судры имели только одну обязанность — служить другим кастам».

«Океанийская Книга» звучит как эхо:

«Ариям он повелел защищать Мараи, воевать, управлять народом и выбирать дары, предназначенные в Мараи и Ореро-Техоасам.

Раатирасам было приказано заниматься торговлей, возделыванием земли, исполнять приказания Ариев и обогащать Мараи дарами.

Манахунесы должны были служить всем трем кастам, строить Мараи, священные хижины, делать пироги, ловить рыбу, нырять за перламутром и плести сети».

В Индии благородные касты называются Ариасами, а в Океании Ариями, очевидно, что корень и происхождение одни и те же.

В Индии были жрицы Нари, баядерки или Начи, поддерживающие священный огонь. В Океании были жрицы Тамайн-Паретениас, обязанность которых заключалась в том же.

Борьба Оро и Тане, представляет настоящую борьбу добра и зла, которую мы находим и в древних религиях Индии, Халдеи и Египта, но только под другими образами.

Ра — солнце, которое Оро привязал к вершине Моуна-Роя, напоминает сказание о птице Оовеа и миф о Прометее.

В Индии бог, всеобщее начало, называется Свайябхува, т. е. такое существо, которое существует через самого себя. В Океании бог называется

Джегуаго, тот кто существует.

В Индии Троица носит имя Брама-Вишну-Сива.

Что же касается Океании, то там она называется Таароа-Ина-Оро.

Наконец, в Индии существуют еще четырнадцать низших богов:

Индра — бог неба, Варуна — бог воды, Агни — бог огня, Павана — бог ветра, Яма — бог ада, Кувера — бог богатства, Картикеа — бог войны, Кама — бог любви, Суриа — бог солнца, Сома — богиня луны, Ганеса — бог, покровительствующий храмам, уничтожающий препятствия и помогающий предприятиям, Пулеар — бог полей, охраняющий границы и наследства, Нейритиа — бог торговли и воров, Итания — бог покровитель земледельцев и жатв.

Перечисленные четырнадцать богов имеются также и в Океании.

Тане — первый среди низших богов — бог моря. Гои, сын Тане и Марамы, бог ветров, пытавшийся отомстить Оро за своего отца, но побежденный Оро и прикованный им к горе, где страшный Оовеа терзал его тело. С тех пор душа Гои носилась в воздухе и поднимала ветер, чтобы спастись от гнева Оро, а Марама, помогая ему, поднимала до неба бушующие волны.

Но если взять другие предания, то там Гои является чем-то вроде океанийского Геркулеса, который, гордясь тем, что уничтожил гигантов, решил похитить Ра, солнце, и приковать его к скале, чтобы оно все время освещало его остров. Но Оро освободил солнце, а на его место привязал Гои, чтобы его наказать, по другим же легендам, Оро, преследуя Гои, сам приковал солнце.

Манутеаа — бог ада. Его представляют в виде сокола. Ад, по мнению полинезийцев, состоит из громадного огненного моря, среди которого разбросаны островки, до которых тщетно стараются доплыть души грешников.

Но так как наказание соразмеряется с поступками, которые надо искупить, то Манутеаа время от времени разрешает очистившимся душам отдохнуть на скале, откуда их бог ветра уносит с собой, и они перевоплощаются в новых телах.

Уретаете — адский судья — в то же время является главой духов, присутствующих при смерти человека, когда души оставляют свои бренные оболочки, то их схватывает толпа духов и несет на Тупаи, остров умерших, где Уретаете судит их, и, смотря по тому, берут ли верх добрые дела или злые, он посыпает души в Оро-гуту-Ноаноа, рай Оро, или в страшные владения Манутеаа.

Души, делавшие на земле только одно добро, сливаются с Таароа, т. е.

душой всей вселенной, и избавлены от суда Уретаете. ,

Мы приведем здесь легенду об острове мертвых, записанную со слов бывшего Ореро, жреца, морским офицером и знаменитым филологом де Бовисом.

«Два друга, Гура и Пена, отправились однажды на остров Тупаи, но там им не хватило пищи.

Тогда Гура отправился на Борабору, чтобы добыть съестные припасы.

Но во время его отсутствия тело Пена умерло и было похоронено его душою, так как Гура принес пищу только на седьмой день, вместо пятого, как было условлено между ними.

Однако, призрак Пена ничего не сказал своему другу и стал вместе с ним уничтожать пищу. Во время еды Гура вдруг заметил, что имеет дело только с душою своего друга, но он и виду не показал, что знает это, а дал ему кокосовую чашу, чтобы он сходил за пресной водой. Воспользовавшись отсутствием своего друга, он попытался бежать на своей пироге.

Когда Пена вернулся, то не нашел ни Гура, ни пироги.

Тогда он понял, что его бросили, и, охваченный страшным гневом, Пена вошел в тело.

Отку дognal Гура у рифов Рааноро и убил ударом клюва».

С тех пор окрестности этого острова наполнены привидениями и злыми духами. Они нападают на прохожего, схватывают его за горло, сдирают с черепа волосы и оставляют лысым на всю жизнь.

Духи встречаются также в округе Тевайтану на Пуиа, но они довольствуются тем, что пугают своими криками прохожих, во времена Пани на этом месте происходило кровавое сражение, и с того времени эти крики испускают души убитых.

Водятся духи и в Топане, но они не злые и довольствуются только тем, что вскакивают в вашу пирогу и пытаются палкой изменить ее направление, а когда им это наскучит, они бросаются в воду, дав прощальный толчок лодке.

На Бараборе очень мало привидений, так как почти все души после смерти отправляются на Тупаи, где ведут скитальческую жизнь. Но главный Тупану — новый дух острова Тупаи — женщина, она ловит мужчин и истязает их, и если они хотят сорвать цветы, которыми она украшает себя, то слышен голос, запрещающий это делать... Ее имя — Тегураитиasti.

Ра — бог солнца — заботится о жатвах, приливах и зрелости плодов.

Ти. На обязанности этого бога лежит охрана берегов и наследств.

Тоа — бог войны.

Марама — богиня вод — дочь Таароа и Ины, супруга Тане.

Марама — богиня луны — дочь Оро, верховного божества и Марамы его сестры, супруги Тане... Это наводит на мысль о легенде об Озиrase в Египте.

Гита — бог огня.

Гиро — бог воров.

Фаага — бог богатства. Его именем называется один из плодороднейших округов Таити.

Роа — бог чувственных удовольствий.

Мара — бог рыбной ловли.

Но кроме этих главных богов, земля, воздух и вода в Океании, как в Индии и Греции, населены добрыми и злыми духами.

Существуют также духи, покровители деревень и семейств, нечто вроде римских пеноватов, грубые изображения которых хранятся в домах и выносятся в Мараи только в торжественные дни.

Храм в Полинезии назывался Мараи и имел вид прямоугольной ограды с жертвенником посередине.

К жертвеннику вели три или семь ступеней, а храм был окружен священным лесом, как это было в Греции и Риме.

В большие праздники идол Оро, бога творца, ставился на жертвеннике, а кругом него изображения низших богов, которые посетители оставляли на все время жертвоприношения. Короли и принцы строили себе отдельные Мараи.

Персонал храмов состоял из следующих лиц: верховного жреца, второстепенных жрецов, проповедников, певцов, носителей и хранителей идолов, иллюминаторов и бесноватых, паретениас или молодых девушек, на обязанности которых лежало поддерживать священный огонь.

Все эти лица принадлежали к касте Ореро, жрецов.

Понятно, что первая роль в религиозных торжествах принадлежала верховному жрецу.

Он приносил великую жертву и посвящал богам плоды, мясо и рыбу, которые после окончания службы раздавал присутствующим. Он также короновал королей на особом громадном камне, поставленном около жертвенника, назначал торжественные моления, устанавливал праздники и церемонии, пользовался неограниченной властью над всеми Мараи. В известные эпохи он собирал весь народ для совершения торжественных очищений, продолжавшихся в течение трех дней, праздник этот оканчивался торжественной процессией всех Ореро по горячим углем, и, благодаря милости неба, никто не обжигался.

Подобный же праздник существует еще и теперь в странах крайнего Востока.

Обязанности простых Ореро заключались в том же, но только они не имели права совершать коронований и назначать всеобщих покаяний. Певцы и проповедники должны были обладать сильными легкими и колоссальной памятью. Они были живой книгой религии и всевозможных преданий, и обязанностью их было говорить все это перед Мараи среди толпы верных, не останавливаясь и не сбиваясь.

Они должны были знать: историю богов, историю создания мира, историю светил, священные заклинания против духов для уничтожения колдовства, различные гимны в честь всех богов, искусство толковать сны и читать по внутренностям жертв, медицину, все, что относится к жертвоприношениям, молитвам и религиозным торжествам, историю королевских фамилий, происходивших от Оро и Гиро, и, наконец, военное искусство и мореплавание, которым они обучали молодых принцев.

Это все напоминает обязанности индийских и египетских жрецов.

Затем шли носители идолов, которые должны были смотреть за целостью статуй богов и переносить их, когда нужно, на жертвеннике, прикосновение к богам делало их священными, и было запрещено дотрагиваться как до них самих, так и до их пищи.

Далее следовали Аеропо, молодые люди, будущие жрецы. Они убирали храмы, помогали простым жрецам и состояли под властью верховного жреца. Помимо этого, они имели еще особую обязанность, которая заключалась в самом их имени — Аеропо, ночной бегун. Тайное наблюдение ночью за своим округом и шпионство во время войны были их важнейшей обязанностью.

Занятие это считалось очень почетным и часто исполнялось королевскими сыновьями. Великий Опоа был в молодости Аеропо.

Как во всех древних странах — Греции, Египте, Индустане, — так и в Океании были свои бесноватые и иллюминаты, но они здесь не составляли особых каст.

Когда какой-нибудь бог желал объявить свою волю, он выбирал какого-нибудь человека, входил в него, и человек проявлял себя чудом. Слух об этом быстро распространялся, и его тело делалось также священно, как и статуя бога. Он имел право не только входить во все храмы, подниматься на все жертвенники и выкидывать тут невероятные нелепости, но и входить в частные жилища, располагаться за столами, так как его посещение считалось хорошим предзнаменованием, и он пользовался полной свободой делать, что хочет. Когда бог выходил из тела

бесноватого, он делался снова самым заурядным человеком и лишался всех привилегий.

Между иллюминатами наибольшим почетом пользовались пимото или ползуны по скалам. О подвигах их рассказывают так.

Они подходили вместе с громадной толпой к отвесной скале со скользкой поверхностью. Они произносили заклинания и брали в каждую руку по острой палочке из огненного дерева, длиною около шести дюймов и толщиною с гусиное перо, прижимали острые концы палочек к скале, поднимались таким образом без помощи ног, два конца палочек, которыми они по очереди прикасались к скале, были единственными точками соприкосновения с нею. Рассказывают, что они поднимались на такие горы, которые до них были недосягаемы. Между ними встречались и такие, которые обладали даром раздваиваться, и их в один и тот же день и час видели на разных островах.

Как видно, океанийские жрецы, как и их собратья в других странах, обладали в достаточной мере и ловкостью, и лицемерием.

Несколько раз в году происходили большие официальные церемонии, от участия в которых никто не уклонялся, невзирая даже на высокое общественное положение. Еще за несколько дней до церемонии о ней объявлялось во всех деревнях. В назначенный день все являлись на место и складывали приносимые дары в фатару, особый род сети, предназначенные в жертву животные привязывались у подножия жертвеника, а если приносилась человеческая жертва, то труп несчастного, убитого еще утром, находился до торжественного часа в особой корзине из кокосовых листьев.

Толпа окружала священную ограду, не входя в нее, мужчины стояли впереди, так как женщины не смели прикасаться к камням Мараи, и у каждого из них находился, взятый из дома идол. Когда все были в сборе, появлялась королевская фамилия, торжественно проходила через почтительно расступившуюся толпу, входила в Мараи, и глава семейства занимал место около самого жертвеника.

Тогда появлялись жрецы и становились между королем и жертвеником. Верховный жрец посередине, а низшие вокруг него.

Хранитель идола приносил статую и ставил перед верховным жрецом, после чего начинались молитвы, если жертва была человеческая, то просили бога удовольствоваться одною и вознаградить принесшего ее. Затем просили его о счастливом исходе предприятия, которое являлось большею частью войной или путешествием.

В том случае, если в жертву приносилось животное, жрецы убивали его у подножия алтаря и затем делали всевозможные предсказания.

Если у станового хребта оказывалось какое-нибудь повреждение, если на печени были белые пятна, если уши у животного после смерти держались прямо, то все это были знаки к тому, чтобы не начинать войны, и не предпринимать путешествия.

В особо важных случаях предсказаниями по внутренностям жертвы, по полету и пению священных птиц занимался верховный жрец.

Человеческая жертва имела, главным образом, искупительное значение.

Если верховный жрец уведомлял короля, что нужна человеческая жертва, то последний посыпал черный камень начальнику выбранного им округа, который выбирал жертву и указывал на нее своим людям, несчастного убивали в тот момент, когда он менее всего ожидал этого. Тогда его труп клали в корзину из кокосовых листьев и относили в Мараи. Однако, не все Мараи могли приносить человеческие жертвы. Правда, можно было на время положить труп в низший Мараи, посвященный Терва, но затем его обязательно надо было отнести в один из главных Мараи, посвященных Оро, верховному творцу.

Чем древнее были Мараи, тем они считались важнее. Большие Мараи были подчинены королевскому Мараи Ороа на Ройотеа, священном острове. Они обязаны были периодически отсыпать в него трупы и только излишек могли оставлять себе.

Помимо человеческих жертвоприношений, существовал еще один странный обычай, следы которого находим в древней Индии.

Когда умирал какой-нибудь важный начальник или храбрый воин, то их не хоронили как остальных смертных

Ближайший большой Мараи требовал его останки себе что считалось большой честью для семейства, из которого был умерший. Особые служители поднимали тогда тело на вершину одного из деревьев священной рощи, окружавшей храм, и оставляли его там до тех пор, пока оно совершенно не разлагалось. Если погода была Сухая, то процесс разложения продолжался довольно долго, и нередко в лесу большого Мараи находилось от пятнадцати до двадцати трупов. Когда заканчивались молитвы, верховный жрец начинал монотонным голосом петь торжественный гимн, который подхватывали младшие жрецы и народ. В этом гимне всегда говорилось о бесчисленных подвигах Оро, бога творца.

Тогда один из Ореро или Раглад становился перед жертвеником и начинал рассказывать, не останавливаясь, историю богов и сотворения мира. Речь его продолжалась до поздней ночи, а часто даже до утра.

Как только Ореро кончал свой рассказ, церемония считалась

оконченной, идола уносили, трупы жертв выбрасывали, и каждый мог со спокойной совестью отправляться домой, забрав своих идолов в ожидании, пока его снова позовут на церемонию в большой Мараи.

Помимо высших богов у полинезийцев имелось множество низших духов. Так, например, под властью Ти, хранителя наследства, находилось множество низших духов, которые представляли стоявшие на границах столбы, как пулеары в Индии.

Почитание их носило чисто местный характер и изменялось в каждой деревне. Цветы и плоды к ним приносили, строили над ними навесы, чтобы усталый путник мог скрыться от жгучего солнца. Каждое утро их натирали кокосовым маслом, убивали им голубей, приносили в жертву ягнят, таро и диких свиней, съедаемых потом хозяином поля, на котором находился идол, как освященную пищу.

Иногда Ти ставились на берегу моря или отмели, чтобы обозначить границы рыбной ловли, тогда им приносились в дар рыбные кости, кораллы и перламутровые раковины.

Камни, изображавшие этих идолов, смотря по деревне, и при этом каждый наблюдал, чтобы сосед не копировал его богов. На многих островах Полинезии можно было встретить идолов, удивительно напоминающих по форме индийский лингам.

Существовали также и домашние духи, у каждого семейства свои. Они заботились, чтобы семейство не осталось без наследников, спасали членов его от всяких непредвиденных случаев, засад, опасных встреч и после смерти со— провождали их души до острова Тупаи, где выступали защитниками перед страшным Уретаете.

Поклоняться этим духам можно было как угодно, так как не существовало особого ритуала, но надо было знать их вкус: они были страшно капризны, и каждый предпочитал свое особенное дерево, плод или цветок.

Но горе неосторожным, которые осмеливались налагать руку на то, что предназначалось богам, или которые осмеливались с головами, украшенными цветами, любимыми этими духами, подходить к пропастям. Тогда духи набрасывались на них и бросали их туда, и в один прекрасный день заблудившийся путник находил их кости. Но это было еще не все: блуждающие души несчастных не находили духов, которые согласились бы проводить их до Тупаи и защитить во время пути от злых духов, большую частью они отправлялись "прямо в ад или собирались по ночам в уединенных долинах, где с жалобными криками и стонами ждали, пока духам их семейств удастся умилостивить тех, гнев кого они возбудили, и

положить конец их терзаниям.

Как известно, многие из древних народов считали некоторых животных святыми. Полинезийцы также почитали избранных животных, однако не возводили их в сан богов.

Существовало предание, что очень давно некоторые боги поселялись в их тела, и это было причиной особого к ним уважения.

В глубине этого культа встречаются также некоторые смутные идеи о метампсихозе, это предания исчезнувшего прошлого, связывающие Океанию с Азией.

Теперь об этом веровании осталась только одна легенда. Но Самоа рассказывает следующее:

«Некто Зуану, мудрец, живший несколько тысяч лет тому назад, на больших землях запада, готов уже был за свою добродетельную жизнь подняться в жилище Оро, но ему вздумалось привести жертву Тане, богу зла, чтобы его умилостивить, Оро, узнав об этом, был крайне раздражен, что Зуану бросил его алтари, и в наказание оставил его на земле, где он должен был прожить новую жизнь в теле Отту.

Отту, это особый род морского краба, живущий на коралловых рифах.

Оовеа, фантастическая птица Полинезийской мифологии, по преданиям, часто служила защитницей богу Манутеаа. Гуро, нечто вроде альбатроса, был любимой птицей Ра, бога солнца.

Множество других фантастических животных, о которых сохранились только чудовищные воспоминания, считались достойными жертвоприношений. Но так как в настоящее время в Полинезии осталось всего несколько пород птиц, да дикие свиньи, то из этого можно вывести заключение, что эти легендарные предания относятся к существам, исчезнувшим с этой почвы.

В Индии, Египте и Халдее имелись свои особые знаки, которые накладывались на животных, на рабов, служащих при храмах, ставились на границах полей и вообще на всех тех предметах, которые имели отношение к религиозному культу или были собственностью духовенства.

Полинезия и табу нераздельны. Табу накладывалось на кого-нибудь или на что-нибудь, и этот предмет сейчас же становился запретным для простых смертных, т. е. священным.

Табу накладывалось на человека тогда, когда он предназначался для жертвоприношения.

Как я уже упоминал выше, он сам не знал ожидавшей его участи, и никто никогда не осмеливался бы отвратить роковой удар, направленный по приказанию начальника округа.

Сейчас же после убийства табу накладывалось также и на его труп, который становился собственностью Мараи. То же самое происходило, когда дело шло о животном. Это религиозное запрещение накладывалось также на некоторые дороги, леса и источники, предназначавшиеся исключительно для храмов.

Налагать и снимать табу имел право только один верховный жрец. Но от него не все зависело.

Все, что предназначалось в пищу царю, было обязательно табу.

Все, чего касались статуи идолов, в ту же минуту делалось священным и становилось собственностью храма.

Когда во время процессии идол падал на землю, то известное пространство вокруг него сейчас же становилось собственностью бога или, вернее, его служителей. Понятно, что эти фокусники пользовались каждым удобным случаем, чтобы незаметно подтолкнуть идола и таким образом округлить свои имения самыми плодородными участками.

Одним из вернейших признаков происхождения полинезийцев служит обряд погребения.

Когда умирал человек, его смертные останки относились в место успокоения не жрецами или какими-нибудь служителями храма. Право хоронить умершего отца или мать принадлежало старшему сыну, точно также как и произнесение над их могилами искупительных" молитв, имевших целью очистить их от грехов и вызвать духов, которые должны были провожать их души на Тупаи и защищать их перед грозным судьей.

Если мы обратимся к азиатским обычаям, то увидим, что в Индии отец мог попасть в священное жилище исключительно, благодаря молитвам сына, ввиду этого индусские брахманы придумали усыновление, как средство к продолжению потомства.

Когда наступала ночь, тело покойного отвозилось старшим сыном в тайное место, печальную процессию кроме сына, могли сопровождать только несколько близких родственников, которые помогали переносить тело и сейчас же удалялись, как только оно было доставлено до места вечного успокоения и там положено.

В течение целых трех дней сын молился на могиле своего отца, принимая пищу только один раз перед восходом солнца. По прошествии этого времени душа умершего в сопровождении духов благополучно достигала Тупаи, а сын со спокойной совестью возвращался в родную деревню.

По всей вероятности обычай держать в тайне место погребения произошел от многочисленных войн, которые вели между собой народы

Океании, и необходимости спасти от оскорблений могилы предков.

Особенно заботились о том, чтобы место погребения осталось неизвестным, Арии или начальники. Тело покойного глубокою ночью уносилось с помощью доверенных лиц куда-нибудь в горы и пряталось в расщелине скалы, которая потом засыпалась листьями и землей.

Тайна погребения сохранялась свято. По верованиям! туземцев, если бы кто-нибудь попытался открыть место погребения, был бы после смерти лишен покровительства духов, которые сопровождают душу до Тупаи, и она наверное попала бы в ад.

Прежде, чем тело умершего увозили из дома, родственники его, находившиеся около него, начинали испускать вздохи и рыдать, повторяя при этом всегда одни и те же фразы, предписываемые обычаем. «Жена. Отчего оставил ты свое жилище? Неужели только для того, чтобы увидеть лицо мрачного Уретаете?

Разве вокруг твоего жилища не было больше майоре?

Или тебе твоя семья так надоела, что ты поспешил призвать духов, которые провожают до Тупаи?

Родственники.

Неужели твоя рука не могла уже больше держать весло?

Разве мы отказывались помогать тебе вести военную пирогу?

Разве ты не имел места в Мараи?

Разве твои мускулистые руки не могли больше тянуть сети?

Жена.

Или быть может душа Тупану-вахинэ (духа-женщины) увлекла тебя обманчивыми песнями в страну мертвых?

Быть может, ты слышал в ночной тишине пение птицы смерти?

Если ты только спишь, то проснись.

Если ты не успел еще скрыться, то возвратись скорее в твое жилище.

Родственники.

Хочешь, тебе сейчас девушки приготовят свежего таро и подадут папуа.

(Это туземные кушанья: таро готовится из ядра кокосового ореха, а папуа — из перебродивших плодов хлебного дерева).

Мы принесем тебе из леса диких свиней.

Мы будем пить вместе с тобой ароматный сок ави (цитрусовое яблоко).

Ты не хочешь отвечать?

Так запомни хорошенъко нас прежде, чем навсегда покинуть эти места.

Если Уретаете заставит тебя блуждать по морям, то не направляй

наши пироги на рифы.

Упроси Мараму не дуть, когда мы будем в море (Марама — сильный западный ветер).

Так как ты не хочешь возвращаться, то сообщи духам наши имена, чтобы они могли после нашей смерти прийти за нами и провести до Тупаи».

С прибытием новых родственников, приходивших поклониться праху умершего и обязанных принимать участие в погребальном хоре, стоны и вопли снова возобновлялись.

Что же касается траура, то мужчины брили себе особенным образом головы, а женщины срезали косы. Этот обычай сохранился и до настоящего времени.

Здесь не мешает заметить, что большая часть плакальщиков и плакальщиц не делаются от этого нисколько печальными, и только прибытие нового родственника заставляет их опять приняться за прежнее.

Самая поразительная черта сходства полинезийцев с азиатами заключается в их общественном устройстве, которое является почти точной копией общественного устройства народов Азии.

Полинезийцы разделялись на следующие четыре касты: Орero или жрецы, Арии или короли, Роатирасы или буржуазия, Манахунесы или рабы.

Точно так же, как в Риме, Греции, Египте и Индостане, браки между различными кастами были запрещены.

Однако, у них существовал обычай, какого мы не находим нигде более, и который, по всей вероятности, начался в Океании в ту эпоху, когда женщина достигла той свободы, которую она пользуется и до наших дней.

Так, женщина, имевшая ребенка от неизвестного отца, передавала ему не только касту, но и все привилегии, которыми она пользовалась, благодаря своему положению. Если у девушки королевской крови появлялся ребенок от раба, то он считался принцем крови и мог наследовать престол. В то же время, если принц заключал неравный брак, дети от подобного союза не пользовались никакими привилегиями и оставались в том же положении, которое занимала их мать.

Обычай этот соблюдался и теперь так же строго, как и в древности.

Так, Таматоа, нынешний король Ройатеа, святого острова, женился на женщине, принадлежавшей к самой низшей касте. Его дети, хотя и принадлежат к благородной касте, не наследуют отцу, и сам старый король не помышляет об этом. Ему уже давно пришлось усыновить сына королевы Помаре, с Таити, который считается законным наследником.

Я спрашивал у некоторых стариков объяснения этого обычая, и они сказали мне, что мать ребенка почти всегда известна, а отец никогда, и что при таком положении дел нашли лучшим предоставить ребенку наследовать общественное положение матери. Однако, несмотря на подобную свободу нравов, замужняя женщина считалась рабой мужа. Она приготовляла пищу, не могла садиться за стол с мужчинами, а если и ела в одно время с ними, что случалось очень редко, то должна была находиться в отдалении, чтобы слышать голос мужа, если он пожелает ей что-нибудь приказать. Она заботилась о всех принадлежностях охоты, рыбной ловли, о пироге и веслах мужа и часто сопровождала его в походах.

На муже лежала обязанность добывать припасы, приготовлять печи и исполнять все, что требовало физической силы.

Свадебная церемония у полинезийцев была очень простая: отец невесты передавал свою дочь жениху, а тот для освящения этого договора делал отцу его будущей жены подарки.

Подарки эти различны и состоят то из военной пироги со всем вооружением, то из стада диких свиней. В бедном классе муж довольствуется тем, что дарит мешок таро и устраивает родителям обед.

Свадьбы происходят следующим образом.

Как только мать найдет подходящую девушку для сына, она прежде всего обращается к Орero с просьбой узнать, благоприятны ли предзнаменования, и только тогда идет с предложением.

Она надевает новый передник (единственный костюм женщины в Океании), берет в руку зеленый кокосовый орех и в таком виде отправляется в дом невесты. Если по дороге ей встретится труп, дорогу перелетит Оовеа, то все счастливые предзнаменования отпадают, и она откладывает посещение до следующего раза.

Придя в дом родителей, она сообщает им свою просьбу, те начинают тяжело вздыхать, жаловаться и только спустя некоторое время дают свое согласие. После этого мать уходит, стараясь избегать дурных встреч, а на другой день уже является в сопровождении сына с обычными подарками. Орero снова спрашивают, и он указывает счастливый день для свадьбы, тогда строят из листьев хижину, которую к предстоящей церемонии украшают цветами.

Первый день свадьбы проходит в пении торжественных гимнов, в приношении жертв Ти и домашним духам.

На следующий день молодые отсылают подарки в соседние Мараи и, сидя у себя в шалаше, принимают поздравления родных и знакомых.

На третий день пением молитв присутствующие приглашают родных и

знакомых, уже отправившихся на Тупаи, посетить брачную церемонию и осчастливить ее.

На четвертый день происходит венчание, будущие супруги разламывают кокосовый орех и содержимое его выливают себе на головы, затем съедают по куску внутреннего ядра, муж из рук жены и наоборот.

На пятый день в честь родственников и друзей, присутствующих на свадьбе, дается обед. Потом муж уводит к себе жену, и все заканчивается.

Надо здесь также упомянуть, что брак у туземцев расторгается довольно легко: необходимо только обоюдное согласие супругов.

На некоторых островах Полинезии даже женятся на срок: на два или три года, после чего, поделив между собой детей, расстаются.

Если союз супругов оставался бездетным, то они обязательно усыновляют ребенка своих родных или даже чужого, так как только молитвы детей могли вызвать после их смерти духов, которые проводили бы их на Тупаи. Усыновленный принимал имя усыновителей, и если после его усыновления рождались другие дети, то он все-таки продолжал считаться старшим сыном и пользовался правами, подобающими его положению.

В настоящее время хотя и не существует у полинезийцев более преданий, связанных с этим обычаем, они все-таки сохранили усыновление и рядом с детьми, родившимися от отца и матери, мы видим приемных детей, часто даже более любимых, чем свои собственные.

Однажды я поинтересовался узнать у жителя острова Мореа, бывшего в подобном положении, почему он любит больше приемных детей, чем родных. На это последовал странный ответ:

«Потому что одни выбраны мною, а других мне дала судьба».

Старинное полинезийское право, за малыми исключениями, является точным снимком с азиатских обычаев.

Государственное имущество принадлежит властям, а народ может пользоваться только доходами. Пользование это никогда не могло быть предметом сделки, так как величина его не была определена, каждое семейство, каждая деревня жили сообща на общей земле, и их право на пользование определялось их нуждами. Пользование давалось целой деревне, и каждый житель имел одинаковое право на землю, часть которой он должен был обрабатывать.

В Океании существовали также лены и другие личные владения принцев и королей, которые могли переходить из рук в руки только в случае завоевания.

Не лишним будет упомянуть об одной странной ассоциации, носившей

имя Ариуа, т. е. союзников, поддержки Ариев или королей, которая многими своими сторонами напоминает древнюю индусскую секту богини Кали. Члены этого сообщества пользовались безграничными привилегиями: они могли селиться на всех землях, обладать всеми женщинами, и их власть прекращалась только на порогах храмов.

Основателем этого общества, по одной очень древней легенде, считается некто Оротетефа, которому приписывается постройка грандиозного Мараи на Бараборе. Говорят, что это был Варнено, т. е. такой человек, в которого вселился злой дух.

Сначала это общество было очень малочисленно, но с течением времени оно раскинулось по всем островам Товарищества и, по словам стариков, которые принадлежали к нему, насчитывало около одной пятой всех жителей архипелага.

Первым условием для поступления в это общество было обязательство не иметь детей, а если они появлялись, то их сейчас же после рождения душили. Кандидат в члены общества должен был явиться на выборы выкрашенным в красный цвет. Начальники принимались только при том условии, что у них нет никакого потомства. Ариуа разделялись на несколько ступеней, так, были начальники и слуги. Первые ничего не делали, купались в реке, украшали себя цветами и принимали пищу, которую им подносили слуги.

Было также и женское общество, и их жизнь была вечным упа-упа (удовольствие).

Если у Ариуа рождался ребенок, и он его не убивал, то он считался недостойным носить это звание и сейчас же выгонялся из общества.

Ариуа, как и прочие туземцы, ходили в Мараи и усердно молились богам.

В зависимости отступлений, они пользовались и преимуществами. Так, они могли безвозмездно брать некоторые продукты и требовать от начальников одежду, так как сами они вели бездеятельную жизнь. Но бездеятельными Ариуа оставались только в мирное время, иначе невозможно было бы их существование.

Во время войны они были самыми верными спутниками короля и отличались необычайной храбростью. Они оказывали полное послушание своим начальникам, всегда сопровождали их во всех экспедициях, и если среди неприятелей они встречали членов своего общества, то сражались с ними так же усердно, как и с простыми воинами. Бывало даже, что когда встречались Ариуа двух враждебных лагерей, то битва прекращалась только полным истреблением одного из них. И если в мирное время они

жили в неге и ничего не делали, то никогда не отказывались от войны. Но что делало их общество особенно прочным, обширным и верным королю, так это то, что они никогда не были политиками.

Ариуа имели своего Арии-Марура или короля с красным поясом, избираемого из высших начальников. Когда он умирал, новый король ездил по островам и показывал себя в главных Мараи.

Если королю нравился какой-нибудь человек, не принадлежавший к Ариуа, то он надевал на него свой пояс, и тот становился равноправным членом этого общества. Во всех остальных случаях желавший попасть в секту подвергался строгому экзамену: он должен был уметь танцевать, владеть оружием, иметь хорошие манеры, отличаться храбростью и, главное, дать клятву, что будет убивать рожавшихся детей.

И было достаточно только одной попытки спасти ребенка, чтобы быть выгнанным из общества.

Если Ариуа что-нибудь пожелал взять, то ему нельзя было ни в чем отказать, он мог забрать себе все, что ему нравилось, плоды, животных и дома.

Наоборот, Ариуа низшего разряда должен был спросить, и ему сейчас же давали, но только не то, что он просил, а вещи сходные. Если он просил дом своего хозяина, то ему можно было дать небольшую хижину и т. д.

Трудно подыскать какую бы то ни было вероятную причину основания этого общества, которое приобрело такую громадную популярность на этом архипелаге.

Быть может, условие уничтожать детей всех членов этого общества имело целью уменьшить количество королевских семейств... Быть может, правильнее было бы предположить, что члены Ариуа для того убивали в себе всякий дух семейственности, чтобы сделать себя на войне более решительными. В таком случае все их привилегии являлись, так сказать, вознагражденными за то, чего они себя лишили. Теперь вопрос о происхождении таитян разрешается сам собой.

Остров Таити, как и большая часть Полинезии, есть ни что иное, как громадные части исчезнувшего континента, который был продолжением старого материка Азия.

Если вы начертите в Тихом океане полигон, вершинами которого были бы Новая Зеландия, острова Уэльские, архипелаг Мореплавателей, Сандвичевы острова, острова Воскресения, архипелаг Помоту, и посередине которого заключались бы острова Тонга, Футуна, Увеа, Самоа, Маркизские, Таити и все остальные маленькие группы островков, то заключите в этой фигуре одинаковое желтолицее население, довольно

сходное с населением Индостана, роста среднего, прекрасно сложенное, с грациозными манерами, имеющее одинаковую религию, с одинаковыми нравами и обычаями, говорящее на одном языке, все племена и ветви которого сразу узнаются вами, как принадлежащие к одной семье, и называются одним общим именем — Магори.

Подобные факты могут быть объяснены только существованием в глубокой древности обширного континента, исчезнувшего во время какого-нибудь грандиозного геологического переворота и оставившего после себя несколько групп островов.

Иначе нельзя объяснить, каким образом обитатели островов Сандвичевых, Таити, Воскресения и Новой Зеландии, совершенно не знавшие друг друга до появления европейцев с их улучшенными способами передвижения, говорили на одном языке, имели одинаковые предания о сотворении мира и одинаковые религиозные верования.

Однако это мнение находит подтверждение в одной старой легенде, сохранившейся на всех этих островах. Между прочим, в ней говорится:

«Давным-давно эти острова составляли два большие материка, населенные желтыми и черными людьми, вечно враждовавшими друг с другом. Но богам скоро надоели эти постоянные ссоры, и они поручили Океану помирить их, тогда последний затопил оба материка и после уже нельзя было его заставить возвратить раз приобретенное. Одни вершины гор и высоких плоскогорий были властью богов спасены от яростных волн».

Некоторые ученые, чтобы объяснить странность приведенных мною фактов, полагали возможным допустить гипотезу, что островитяне могли сообщаться между собой при помощи своих пирог. Но это не давало ключа к загадке, так как страны, которые в древности, как, например, Аравия и Индия, Мадагаскар и Африка и множество других, имевшие между собой сношения, не заимствовали друг у друга ни языка, ни нравов, впрочем, самый меньший недостаток этой гипотезы состоит в том, что она абсолютно невозможна. Вот что по этому поводу говорит Бовис:

«Я не знаю, какой моряк мог бы допустить мысль, что пироги, как бы они ни были хорошо построены и усовершенствованы, могли переплыть пространства в 500 или 600 миль, не имея при том никакой определенной цели и предоставленные всецело изменяющемуся направлению ветра, дующего смотря по временам года.

Затем, как могли бы они положить в свои пироги достаточно припасов даже для того, чтобы провести в море недели две? »

Еще одно доказательство древности этих народов, которые некогда

находились на одном континенте, заключается в совершенстве их форм (в особенности таитяне, мужчины и женщины похожи на греческие статуи), а главное, в развитии их ума. Достаточно пробыть между ними несколько времени, чтобы видеть, что перед вами отпрыски одной из могущественнейших рас древности.

Я не могу удержаться, чтобы не привести пример. Когда на остров Тайти прибыли протестантские миссионеры, царствовавшие в то время над всем архипелагом, Помаре Великий не только принял христианство, но немедленно устроил у себя правление по английскому образцу и созвал парламент, которому поручил "составить кодекс.

Нет сомнения, что подобная попытка у других, так называемых диких народов, обязательно бы провалилась, благодаря своей неприменимости.

Во время обсуждения кодекса о наказаниях, дебаты о наказании за убийство заняли два заседания: дело шло о том, должна ли кровь человека быть проливаема рукою закона.

Собрание объявило, что не будет руководствоваться ни своими обычаями, ни древними предрассудками, а только разумом и справедливостью. Было предложено два наказания: смертная казнь и вечное изгнание на необитаемый остров.

Первым, кто потребовал слова, был Гитоти, старший начальник Папекти. Вся его речь, точно так же как и последующие, взяты из летописи этой страны. Он встал, поклонился председателю и произнес:

«Без сомнения, вечное изгнание на необитаемый остров — отличное предложение, но у меня уже несколько дней тому назад зародилась мысль, которую вы свободно поймете, если выслушаете мою речь. Скажите мне, разве законы Европы, этой стороны, от которой мы получили столько добра, не должны быть хороши? А по законам Европы всякий убийца наказывается смертью. Вот мысль, которая мне не дает покоя: быть может, мы поступим хорошо, если будем делать так же, как делают народы Европы? Вот и все, что я имел сказать по поводу вопроса о наказаниях за убийство».

После речи Папекти наступило молчание, прежде чем принять решение, каждый соображал о том, что услышал.

Надо заметить, что за все время существования этого парламента никогда не было случая, чтобы говорили сразу два оратора, чтобы они обменялись колкостями, и чтобы кто-нибудь хотел выставить свои знания на счет другого. Никто не опровергал и не разбирал мнения предшествовавших ему ораторов, не обратив внимания на то, что в них было дельного.

Оглянувшись вокруг, чтобы видеть, не встал ли кто-нибудь другой, Утами, главный начальник Пунавиа, поклонился председателю и заговорил:

«Начальник Папекти говорил отлично, сказал он. Мы получили из Европы действительно много хорошего, и никто не станет спорить, что в обычаях ее народов есть много достойного подражания, но мне кажется, что Гитоти заходит немного далеко, и следование его словам может нас привести к полнейшему изменению наших нравов и обычаев. Если мы примем смертную казнь только из подражания Европе, то нам, пожалуй, придется по той же причине наложить очень строгое наказание на того, кто разрушит дом, возьмет животных, плоды, или на тех, кто принимает чужое имя. Между тем мы знаем, что сломать нашу бамбуковую хижину небольшая беда, и что при нашей общественной жизни взять мясо и плоды, когда человек голоден, есть не преступление, а право. Найдете ли вы на Таити такого человека, который заявил бы, что за это следует наказывать? Нет, это было бы крайне несправедливо, и так как то, что может быть дурно в Европе, не считается таким у нас, то мы и не должны вообще руководиться тем, как в Европе говорят законы. Я нахожу, что изгнание как мера наказания за убийство более отвечает условиям нашей жизни... Я окончил свою речь».

Затем, после непродолжительного молчания, поднялся начальник Упуару, человек благородный и умный.

Он прежде всего обратился к предшествовавшим ораторам с несколькими лестными словами, а потом прибавил, что, по его мнению, как первый оратор, так и второй были отчасти правы и неправы.

«Мой брат Гитоти, — произнес он, — предложивший в . виде наказания за убийство смертную казнь только потому, что так водится в Европе, глубоко ошибался, как это уже доказал Утами: действительно, мы должны руководствоваться не законами Европы, а Ареа (на туземном наречии это слово означает Библия). Вам знакомо это место:

«Кровь человека, пролившего кровь другого человека, будет пролита человеком».

Весьма возможно, что эти слова и послужили основанием для закона в Европе, этого я утверждать не могу, но во всяком случае, я согласен с Гитоти и не согласен с Утами, и не потому, что таков закон Европы, но потому, что так говорит Ареа, вот по этой причине мы и должны наказывать убийцу смертью, а не простым изгнанием».

Присутствующие переглянулись. Казалось, что речь оратора произвела сильное впечатление, в особенности, когда он подтвердил свое мнение не

примером Европы, а авторитетом священного писания. Тогда поднялся новый начальник, Тати, один из столпов государства, его внушительный вид и богатое одеяние заставили присутствующих забыть предшествовавшего оратора.

Когда он начал говорить, все взгляды обратились на него.

«Быть может, многие из вас удивляются, что я так долго молчал, я, первый начальник и самый близкий человек к королевскому семейству, но я хотел выслушать, что скажут мои братья, чтобы собрать все мысли, накопившиеся в их сердцах, по поводу этого важного вопроса».

«Я от души рад, что поступил подобным образом, так как теперь у меня появилось много мыслей, которых не было раньше».

«Все начальники, выступавшие до меня, говорили отлично. Но скажите, разве речь Упуару не клонится к тому же результату, что и речь брата Гитоти? »

«Действительно, если мы не можем следовать во всем законам Европы, как этого хотел Гитоти, потому что они идут слишком далеко, то не должны ли мы также избегать мнения Упуару, потому что он тоже заходит слишком далеко».

«Нет лучшее советника, чем Библия, говорит он, и я с этим согласен. Но что значат слова: кровь человека, пролившего кровь другого человека, будет пролита человеком? »

«Не заходит ли это правило так далеко, что мы не можем следовать ему, так же, как не можем вполне следовать законам Европы? »

«Все присутствующие здесь отлично знают, что я, Тати, — великий судья. Ко мне приводят человека, пролившего кровь, которого я велю умертвить, т. е. проливаю его кровь. Кто же прольет мою? »

«Тут я останавливаюсь, не будучи в состоянии продолжать далее. Смысл этих слов не может быть таков, но я замечаю, что множество обычаем Ветхого Завета, как многоженство, рабство должников и т. д., были уничтожены Новым Заветом, может быть, закон о смертной казни был также уничтожен, как многие другие? Во всяком случае я не нахожу в Новом Завете его подтверждения, что должно бы было быть, чтобы служить нам путеводного звездою».

«Но и помимо этого, разве на земле так мало злых людей, проливающих кровь близких, что закон должен следовать им? Неужели это справедливо — делать человека во имя закона убийцей своего ближнего? Поэтому я полагаю, что мы должны ограничиться изгнанием убийцы... Вот и все, что я хотел сказать».

Речь эта заслужила всеобщее одобрение, а ссылка Тати на Новый Завет

уничтожила главное препятствие.

Затем поднялся Пати, начальник и верховный судья Мора, бывший некогда верховным жрецом Оро и последовавший первым за Помаре в его отступничество от веры предков. Он сказал следующее:

«Мое сердце полно мыслей, и я исполнен радости и удивления, когда гляжу на это место, где мы собрались, и думаю о причине нашего собрания. Когда я думаю о том, кто мы такие, то это меня наполняет восхищением».

«Безусловно, Тати отлично поставил вопрос, так как. Новый Завет должен быть нашим руководителем, а где же в нем вы найдете указание на смертную казнь? Я знаю много мест, в которых говорится о запрещении убивать, и ни одного, которое одобряло бы убийство».

«Нам необходимо иметь законы, чтобы наказывать тех, кто совершает преступления, но скажите мне, для чего люди, действительно справедливые, наказывают? Разве ими руководит гнев или удовольствие делать зло, или желание мщения, как на войне? »

«Так я вам скажу, что нет: добрый и справедливый человек не желает ни мстить, ни действовать под влиянием гнева. Там, где есть страдание, не может быть удовольствия, там, где есть зло, не может быть справедливости».

«Наказания, которым подвергают преступников, имеют целью помешать им возобновить преступления и в то же время показать другим людям, чему они могут подвергнуться, если будут поступать так же».

«Скажите мне, разве нам не известно, что быть навсегда изгнанным с Таити, есть наказание более суровое, чем моментальная смерть? Разве изгнанный может снова кого-нибудь убить? Разве подобное наказание не будет ужаснее смерти? Вот поэтому и я полагаю, что Тати прав, и что самое лучшее будет оставить закон таким, как он предложил».

Видя, что никто более не встает, поднялся один Таатарий, начальник простого округа, и его выслушали с таким же вниманием, как и знатных ораторов, говоривших до него.

«Тати говорил хорошо, но он упустил, что один из мотивов наказания есть исправление виновного и если возможно, то превращение его в порядочного человека. Если же мы казним убийцу, то каким образом мы можем его исправить? Если мы отправим его на необитаемый остров, где он будет принужден думать, тогда Те-Атуа (Бог) может быть, уничтожит дурные мысли в его сердце и произведет хорошие. Если же мы его убьем, то куда пойдет его душа? »

Затем говорил еще целый ряд других ораторов, и результат прений был таков, что собрание пришло к единодушному решению ссылать

провинившихся.

Нет сомнения, что говорить и действовать таким образом могут только люди, имевшие прошлое.

Сейчас гораздо больше различий между нынешним беззаботным греком, забрасывающим сети в Эгейское море, и современником Перикла, чем между нынешними таитянами и сектором Брамы и Будды. Геологические перевороты, разорвав континент Полинезии и сосредоточив жизнь на островах, не уничтожили преданий, и своими бытовыми легендами, своей мифологией, нравами, физическим и умственным развитием своих обитателей, переживших катастрофу, Полинезия крепко связана с Азией, этой колыбелью человеческого рода.

Интересно то, что в Полинезии древние нравы сохранились с изумительной верностью до появления европейцев. Ограниченнная величина каждого острова не допускала ни крупных исторических событий, ни больших завоеваний, которые изменяют и часто даже заменяют совершенно другими преданиями предков. Оттого каждый из этих маленьких уголков земли не имеет новейшей истории.

Когда прибыли европейцы, таитяне сами первые стали смеяться над своими богами, как все состарившиеся народы, которые потеряли всякую веру в смешные сказки своих духовных лиц. Религия была только делом формы, и когда Помаре II ударом ноги столкнул статуи Оро и Тане в реку, то не нашлось ни одного жреца, который среди всеобщего смеха решился бы взять на себя защиту павшей веры.

Жители Таити сделались христианами потому, что им поставили это необходимым условием для принятия подарков от всевозможных обществ пресвитерианских, евангелистских и католических, которые присыпались на их острова, но они остались скептиками.

Таитянин очень любит читать и большой оратор, он вам будет говорить речь о добродетели, о невинности и т. д., как стал бы говорить об искусстве рыбной ловли между рифами, но без всякого убеждения о сущности предмета, о котором говорит. Он, как настоящий афинянин, влюблен в форму, периоды его речи ласкают слух, но он мало заботится об убедительности, не имея сам никакого мнения о вопросах метафизических, на которые он смотрит только как на простые поводы к разговорам.

Более всего он любит померанцевое вино, цветы и солнце. Это человек прошлого, живущий на клочке континента, куске большого материка... Это человек, который сходит со сцены, как сошли с нее древние халдеи и древние индусы, как сходят все черные и желтые расы, так как в новом периоде земного развития будет место только для белой расы.

V

Помаре Великий — История введения христианства на Таити

Выше мне пришлось упомянуть о небольшом количестве населения этих островов. Я полагаю, что как в наше время, так и в древности, количество населения, например, острова Таити, не превышало семи или восьми тысяч душ.

Па этому поводу я должен указать на ошибку мореплавателей, которая до сих пор ставит в тупик многих этнографов. Кук полагал, что количество населения на Таити превышало двести сорок тысяч душ, Форстер считает, что сто двадцать тысяч, и, наконец, миссионер Мильсон полагает, что не более шестнадцати тысяч.

Что касается цифр Кука и Форстера, то они слишком уж преувеличены, так как ни пространство острова, ни количество его произведений не позволяют даже и думать об этом. Прибытие европейцев так подействовало на таитян, что они отправились вслед за европейцами и переходили из округа в округ, что проделывают и до настоящего времени по мере того, как приезжие обходили остров, так что Кук и Форстер принимали за население отдельных округов то, что было населением всего острова.

Если кто-нибудь пройдет всю внутреннюю часть острова, то обязательно найдет во многих больших долинах следы старинных жилищ и кладбищ, которые заставляют предполагать, что было время, когда население сделалось слишком многочисленно, чтобы жить на берегу, и отхлынуло внутрь своей родной земли.

Но пример того, что произошло во время возмущения таитян против Франции, указывает на то, что должно было происходить прежде во время постоянных войн, происходивших до вступления на престол династии Помаре.

Побежденная партия, преследуемая победителями, от которых ей трудно было ожидать пощады, бросала свои дома и поля и скрывалась в глубине долин, где можно было легко защищаться, и куда победители редко решались зайти.

Здесь строились новые хижины, воздвигались Мараи и погребались мертвые, и это происходило до тех пор, пока поворот счастья или мир,

часто очень непродолжительный, позволял каждому снова возвратиться в свой округ и увидеть море, которое таитяне так любят.

Некоторые путешественники, желавшие объяснить ошибку Кука, предполагали в следах этих переселений остатки угасшего населения, тогда как они имели перед собою только следы бывших некогда здесь перемещений.

Когда я вижу, что по-санскритски Ра значит солнечный свет, что на Магори, языке Полинезии, Ра значит солнце, и что на старинном языке Египта Ра, будучи поставлено после слова Амон — отец богов — Амон-Ра — значит бог солнца, то я начинаю думать о древности человеческих рас, которую мы начинаем видеть. И этот простой слог, начертанный в храмах Фив, Мемфиса и на Мараи Полинезии, говорит мне более, чем какая бы то ни была книга.

Прошу прощения у читателей, что так надолго остановился на преданиях, легендах, нравах и верованиях древней Полинезии, но дело разрушения подвигается слишком быстро, и, те, которые называют себя бойцами, ломают и бросают в волны океана все памятники древности. Я старался спасти от потопа самое большое количество этих остатков, которые указывают, что тут был большой континент, народ азиатской расы и древняя цивилизация. Через несколько лет Полинезия станет закрытой книгой, и долины Таити будут так же свободны от всяких воспоминаний, как воды Тихого океана, в которые глядится Новая Цитера.

Я говорил уже раньше, что у Полинезии нет истории, поэтому я прямо перешел бы к описанию мест, где совершилась страшная драма, служащая рамкой этому рассказу о Таити, если бы я не находил интересным познакомить читателя в нескольких словах со странной личностью, которая в конце прошлого века неожиданно появилась в Полинезии со всеми признаками того, что люди называют гением. Я говорю о Помаре II, которого прозвали Великим, который принял христианство, как Хлодвиг, чтобы заставить победу вернуться под свои знамена и которому недоставало более обширной арены, чтобы изобразить Александра Македонского или Цезаря в новой истории.

Благодаря его содействию, миссионерам удалось обратить таитян в христианство,

Хотя Помаре II и носил королевский титул, он управляем только двумя округами Таити: Паре и Матаве. Вступив на престол, он не замедлил решиться покорить себе весь остров, поэтому в один прекрасный день войска Помаре неожиданно напали на округ Ага-Уру, разграбили все, что попалось им на пути, прогнали население в горы и на поле битвы песнями

и жертвоприношениями возблагодарили Оро за удачный исход сражения.

Однако эта победа не принесла счастья Помаре, начальники Ата-Уру, бежавшие в другие округа, составили против него сильную коалицию. Тогда началась новая война, известная в летописях Таити под названием Тамаи-Арагу-Райя, кровопролитная война Арагу-Райя.

Тота, бывший министр короля и самый отважный из всех воинов архипелага, стал во главе заговорщиков, и одно его имя уже было залогом победы. Когда Помаре узнал, что Тота изменил ему, он понял, что все потеряно, но не хотел уступать без борьбы. По совету верховного жреца Оро он даже принял на себя инициативу и напал на своего противника, имевшего за собою преимущество в численности войска и позиции, но его нападение было отбито, и он принужден был бежать до Паре, откуда бежал на остров Мореа.

Но победители не сумели воспользоваться своей победой, и вместо того, чтобы вернуться к себе, изгнав неспокойного начальника, желавшего подчинить их, они покрыли кровью и превратили в развалины округи Паре и Матаве, все, державшие сторону Помаре, были убиты, а их имущество разграблено.

Помаре, удалившись на Мореа, терпеливо ждал удобного момента, чтобы вмешаться, он обучал своих солдат и сторожил добычу. В это время к нему явился евангелистский проповедник Нот.

Однажды вечером Помаре сидел на обломке рифа на берегу моря и глядел вдаль на туманные очертания гор Таити, высокие вершины которых освещались лучами заходящего солнца. Изгнаник мечтал о средствах возвратить потерянное могущество.

В это время к нему подошел пастор и спросил:

— О чём задумался великий изгнаник?

Помаре вместо ответа протянул руку по направлению к земле своих предков.

— Оро покинул тебя, — продолжал миссионер, — и тебе остается теперь только обратиться к Богу христиан.

Помаре пожал плечами.

— Я могу тебе обещать победу во имя его.

. — Победа, — быстро перебил король, — всегда на стороне того, у кого больше воинов, у меня полон дом жрецов, но я их всех отдал бы за одного хорошего солдата. Сражение нельзя выиграть словами.

— Жрецы Ора бессильны.

— Разве христианские пасторы могут сделать больше?

— Христианские пасторы могут сказать английским кораблям, чтобы

они пришли восстановить на троне короля, принявшего их религию.

Последние слова сильно поразили Помаре, и он внимательно поглядел на почтенного Нота.

— Доставь мне ружей, пороху и одну пушку, — сказал он, — и я сам постараюсь вернуться.

— Это христианское оружие, — продолжал Нот, — чтобы употреблять его, надо быть христианином.

— Дай мне то, чего я прошу, и я заставлю весь архипелаг признать твоего Бога.

— Ты станешь христианином?

— Одним из первых.

— А они?

— Я прикажу им поступить также, в промежутках времени между восходом и заходом солнца.

Сделка была заключена.

Нот немедленно обратился к евангелистским общинам королевства, которые послали его в Океанию, и немедленно же во славу Божью ему прислали все необходимое, чтобы Помаре мог снова завладеть островом.

Ружья, порох и пушка были присланы, и два новых пастора сопровождали эту евангельскую присылку в виде подкрепления, так как если бы король сдержал слово, то предстояли тысячи крещений.

Что касается Помаре, то он свято выполнил условие в самый день прибытия военных припасов он крестился в присутствии всех жителей Мореа, которые сначала ничего не поняли в капризе их владельца, но Помаре не делал ничего в половину и решился сейчас же освятить свое принятие новой веры. Вот как он за это принялся.

Приказав принести себе черепаху, животное, на которое наложено строжайшее табу, и которое можно было приготовлять только внутри Мараи, отняв известную часть для бога, он приказал сварить ее так же просто, как и остальных животных, не сохраняя части для Оро.

Жрецы и народ ожидали, что гром небесный поразит короля за дерзкое нарушение табу, или, по крайней мере, его задушит черепаха, которую он ел таким святотатственным образом.

Верховный жрец Оро был недоволен и старался поддержать народное неудовольствие.

Помаре между тем нашел черепаху отличной, и, вопреки всем предсказаниям, самым спокойным образом переварил ее.

Народ начал смеяться, а жрецы повесили носы.

Дело, однако, этим не кончилось.

Помаре приказал принести на берег моря всех идолов, находившихся в большом Мараи, и, встав с места, сказал народу такую речь:

«Эти статуи, — которые вы видите, — сказал он, — только воображаемые боги, ни добрые, ни злые, одинаково неспособные делать добро или зло... вот, смотрите, делайте так».

Сказав это, он столкнул идолов ногою в воду. Толпа, как всегда, видя бессилие тех, кому она так долго поклонялась, начала осыпать павших богов оскорблениеми. Конечно, сказать по правде, таитяне уже давно знали, как относиться к культу Оро и хитрости его жрецов. Однако до знаменитого дня, когда Помаре, благодаря военным припасам, доставленным ему пасторами, открыто принял новую веру, миссионеры не могли приобрести на островах ни одного последователя.

Многих молодых проповедников, державших себя вольно, пришлось удалить, что касается старых, то над ними смеялись, называя их пупурой (обожженные волосы), без сомнения, по причине рыжего цвета волос, которым туманный Альбион наделяет своих детей. Одним словом, обращений не было, старых богов считали за ничто, человеческие жертвы уже давно прекратились, поклонение богам было самое приятное, состоявшее из цветов и обильных возлияний померанцевого вина, народ отлично знал, что подарки богам, состоявшие из плодов и диких свиней, съедались жрецами. Народ еще делал вид, что верит в могущество Оро, в наказания за святотатство, в значение табу, но в сущности он смеялся над всем этим, и так как старых богов видели насквозь, то естественно, что и новый Бог не мог внушить к себе доверия.

Однако, желая подражать королю, а в особенности получить ружье и патроны, весь остров крестился.

В два дня крестилось три тысячи жителей Мореа.

Чтобы ускорить дело, проповедники поставили на возвышение бочки с соленой водой и, вооруженные подобием метлы из листьев кокосовой пальмы, окропляли этой первобытной кропильницей затылки неофитов, проходивших партиями от восьми до десяти человек за раз.

Умнее всех оказались жрецы сверженных богов, привыкнув питаться приношениями, они взымели гениальную мысль: чтобы спасти свое пропитание, бедняки просили у миссионеров позволить им служить новому Богу. Последние поняли всю драгоценность этого союза и были в восторге, после двух недель, употребленных на обучение, им дали в руки Библию и посвятили в пасторы.

Вот каким образом водворилось в Океании христианство, но можно положительно сказать, что это была одна пустая формальность. В сущности

туземцы остались так же равнодушны к новой вере, как были равнодушны к той, которую оставили. Впрочем, почтенные проповедники достигли того, чего желали, т. е. возможности мирно торговать на этих островах и посыпать в Лондон громадные грузы перламутра, жемчуга и кокосового масла. Они мирно пользовались этой привилегией до того дня, когда католическая миссия, завидуя их успеху, в свою очередь выступила на сцену.

Между тем Помаре обучал своих людей обращаться с оружием, которое ему дали, и ждал удобного случая напасть на Таити.

Как раз в это время с Таити приехали два начальника, предлагая Помаре возвратиться на этот остров, ставший жертвой анархии, и снова овладеть своими древними правами. В наступившем кризисе все партии одинаково желали его возвращения. Со временем его изгнания остров действительно стал жертвой самых ужасных беспорядков. Вместо того, чтобы дать завоеванным местностям какое-нибудь устройство, начальники только и знали, что грабили.

Все полевые работы были брошены, и население принялось с азартом за дистиллирование корня Ти, который давал спирт. Весь остров превратился в обширную дистиллировальную мастерскую, и дикии проводили все свое время в том, что напивались, потом, когда им надоедало пить, они приходили вдикую ярость, бросались один на другого и поднимали резню на месте оргий.

Помаре, слушая все эти подробности, подумал, что настало время возвратиться, не боясь сопротивления, и, действительно, он встретил очень мало препятствий, но, принявши за прекращение беспорядков, царствовавших на всем острове, он был снова принужден всеобщим восстанием еще раз скрыться на Мореа и даже чуть было не был убит в то время, когда садился в пирогу. С ним не было его воинов с Мореа, которых он не хотел приводить в соприкосновение с таитянами, боясь, что последние заразят их пьянством, и уехал с твердым намерением огнем и мечом уничтожить это гнездо возмущения. Заговорщики, в ярости, что Помаре ушел из их рук, начали обвинять друг друга в измене и от слов скоро перешли к делу.

Жители Помаре и Атагуру, вечные враги Пори-Уну, живущих на северо-западе острова, напали на них, разбили войско и истребили их начальников и лучших воинов.

Тогда появились жители полуострова Терану и, объявив себя на стороне победителей, начали грабить вслед за ними. Так что скоро богатейшие округа, Таити и Фаа, долины Фатагуа, Матаваи и Вапайамо

превратились в места скорби и нищеты. Когда все было уничтожено или разрушено, когда не осталось более ни людей, ни хижин, победители стали спорить о добыче и, не будучи в состоянии сговориться, подрались между собою.

Помаре нашел это время удобным для того, чтобы снова вмешаться, он высадился на Таити с тремястами воинами, хорошо вооруженными, а главное, хорошо дисциплинированными, и, чтобы показать им, что надо умереть или победить, Помаре скончал все двадцать пять пирог, на которых они приехали, и оставил из них только две, которые под его начальством отправились скрыться на берегу реки Фаата-гуа. В одной находилась пушка, и при ней англичанин, по имени Джое, которого Помаре назначил адмиралом и командующим артиллерией, в другой пироге находилось тридцать воинов, которые должны были защищать батарею Джое.

Едва окончились эти приготовления, как со стороны Норэ большой отряд хорошо вооруженных таитян явился сразиться с небольшой кучкой воинов Помаре. С другой стороны, через Атагуру, многочисленные банды воинов, с распущененным знаменем Оро, приготовились поставить короля между двух огней.

Но Помаре не растерялся, он разделил свой отряд на три колонны, которыми командовали знаменитые воины Ануа, Упа-Пару и Гитоти. Небольшой же резерв находился под командою Машне и его жены Помаревахинэ, одетой в хорошую кольчугу из ромага и вооруженной мушкетом и Никой.

Начался бой. Особенно ужасна была первая схватка, в которой весь авангард Помаре был смят. Множество лучших воинов, составлявших его, были выведены из строя. Упа-Пару спасся, оставив в руках врагов клочки своего передника.

Тогда, по приказанию Помаре, оставшиеся колонны отступили к резерву. Тут началась упорная битва. Скоро у солдат истощился весь запас патронов, и они взялись за холодное оружие.

Среди всех сражавшихся Помаре отличался ростом, храбростью и силою ударов, но и он уступил бы перед численным превосходством. Но вот, испустив воинский крик, он бросился с горстью верных воинов в самую середину боя, после этого условного сигнала, пушка Джое заговорила, искусно брошенная бомба вдруг разорвалась в задних рядах неприятеля и произвела страшный беспорядок, в то же время сидевшие в засаде бросились во фланг таитянам и заставили последних отступить.

Упа-Пару, начальник инсургентов, пал, пораженный копьем, это увидели его воины и бросились к нему.

— Отомстите лучше за меня! — закричал он им.

Таитяне, несмотря на потерю начальника, сделали последнюю попытку, но две новых бомбы, ловко брошенные в них Джое, произвели в их рядах такую панику, что они начали рассыпаться на мелкие отряды и бросились бежать.

Солдаты Помаре хотели преследовать беглецов, но король как человек ловкий решил, что для окончательного утверждения его власти над островом, было лучше не возбуждать против себя народ, поэтому он остановил своих партизан, которые, будучи отлично дисциплинированы, безропотно повиновались. Он велел подобрать раненых и оказать одинаковую помощь как своим, так и чужим воинам.

Тело Упа-Пару он велел похоронить со всеми почестями, полагающимися ему по сану, и вместо того, чтобы, по обычаю, конфисковать его имущество, отдал его сыну.

Затем он объявил всеобщую амнистию и послал в глубь страны членов своего семейства с обещанием, что все начальники, которые немедленно изъявят покорность, получат полное прощение.

Все поспешили воспользоваться добрым расположением короля, и результатом победы и ловких действий было то, что Помаре окончательно утвердился на троне. Но его планы были гораздо шире: он мечтал соединить под своим скипетром архипелаг Помоту, острова Гэне, Борабору, Ройатеа и др., точно так же, как острова Маркизские, Тонга и архипелаг Мореплавателей. Он мечтал уже о том, что у него будет целый флот, построенный в Европе, и что сам он будет править всеми островами Океании.

— Я буду идти вперед до тех пор, пока не дойду до островов, на которых растет кокосовая пальма, — часто говорил он.

Укрепив свою власть над островом, Помаре понял, что не может составить себе соединенной армии из жителей Мореа и Таити, если последние останутся идолопоклонниками. Тогда он решил их обратить в христианство, военная помощь которого доставила ему победу. Для этого он решился употребить средство, уже удавшееся на Мореа.

Таитяне, еще большие скептики, чем жители этого последнего острова, продолжали поклоняться Оро, более по традиции, чем по убеждению, они уже давно открыли все фокусы своих Ореро и отлично знали, что, когда статуя бога начинала говорить публично, то это делалось или жрецом чревовещателем, или фокусником, спрятанным за идолом.

Недаром в стране существовало по этому поводу множество анекдотов, доказывающих, что на этот гордый и насмешливый народ надо

смотреть не как на дикарей, вступающих в жизнь, а как на остатки древней полинезийской нации... Вот один из таких анекдотов.

После победы Помаре жрецы Оро, зная, что король принял веру чужеземцев, хотя миссионеры с Мореа не сопровождали его на Таити, поняли, что их царствованию приходит конец. Тем не менее, не желая ускорять события, они назначали большую церемонию, на которую собирались все жители острова. Помаре, нисколько не противясь этой церемонии, позволил отправиться на нее всем начальникам, желавшим этого.

Праздник обещал быть крайне удачным, со всех сторон стеклось множество народа с богатыми жертвоприношениями.

На возвышение был поставлен громадный идол Оро, и когда верховный жрец приблизился, чтобы начать жертвоприношения, он сначала попросил Оро распространить его благование на Помаре и все его семейство.

Вдруг идол зашевелился.

— Бог хочет говорить! — вскричал жрец. Наступило всеобщее молчание и послышался голос:

— Да, — Помаре будет королем всех островов океана. В ту же минуту в толпе послышался насмешливый голос:

— Равэ, ты гнушишь...

Всеобщий смех встретил эти слова.

Действительно, жрец, которому поручено было представить голос Оро, назывался Равэ и отличался гнусавым голосом.

Происшествие это вызвало такую веселость, что верховный жрец принужден был сократить церемонию, несмотря, однако, на эту неудачу, народ, столь же добродушный, сколь и веселый, по обыкновению принес свои приношения на жертвенник Оро.

Помаре понял после этого события, что ему будет легко добиться того, чего он желал, он дал народу большой праздник, на который велел принести идолов всех богов, и тогда обратился к народу с речью, говоря, что все эти куски дерева и камня не помешали его воинам прийти на Таити, и что они также неспособны защитить и самих себя. Говоря это, он одним ударом палки повалил статую ужасного Оро, затем пришла очередь Тане и других, толпа, немного возбужденная померанцевым вином, сама докончила начатое королем, движение вскоре распространилось по всему острову, и на Таити не осталось ни одного из древних богов.

Тогда Помаре вытребовал с Мореа трех евангелистских миссионеров так же, как и новопосвященных туземных пасторов, чтобы они крестили

его подданных.

Дело упростили еще более, чем на Мореа. Все дикари были собраны по округам, и, заставив их войти в воду по пояс, их окрестили всех вместе.

Помаре не замедлил покорить все соседние острова и архипелаг Помету, но не мог распространить далее своих побед, ему недоставало средств для преодоления больших расстояний... Это так огорчило его, что, не имея пищи для своей неудержимой энергии, он мало-помалу предался страсти к спиртным напиткам до такой степени, что расстроился и физически, и нравственно. Это было как нельзя более на руку миссионерам, которые начали управлять от его имени и устроили на несчастном Таити такое же суровое и бессмысленное управление, как иезуиты в Парагвае, так как нельзя не сознаться, что лютеранские пасторы стоят католических.

С течением времени разум оставил этого человека, который, без сомнения, играл бы большую роль, если бы имел в своем распоряжении более обширные средства, чем те, которыми он мог располагать, а в последнее время его жизни, когда к нему возвращались проблески рассудка, очень часто слышали, как он говорил:

«О, король Таити, о Помаре! Свинья, бродящая в кустах, теперь более способна царствовать, чем ты! »

Когда он скончался, ему еще не было сорока восьми лет.

Такова личность этого необыкновенного человека, который, будучи одарен блестящими способностями, мог действовать лишь в узком кругу. При нем и благодаря ему, как мы видим, христианские проповедники наводнили Океанию. Чисто политическая власть, которую они приобрели над Таити, не была продолжительна, так как сейчас же после смерти короля регентша, его вдовы, просила проповедников остаться в их храмах, угрожая в противном случае, восстановить поклонение Оро.

Конечно миссионеры не заставили повторять себе этого и удовольствовались тем, что прибавили к своей славе более выгодное занятие отправки в Лондон хлопчатой бумаги, перламутра, жемчуга и кокосового масла, а таитяне, освободившись от своих опекунов, превратились в то, чем они прежде были, т. е. снова сделались веселым, счастливым народом.

Однако, английские миссионеры не сохранили в этой части Океании свою религиозно-коммерческую монополию. Рим, в свою очередь, пожелал эксплуатировать страну и послал туда своих самых ловких дельцов. И тогда между протестантами и католиками началось самое забавное соревнование. Главная забота заключалась в том, кто приобретет себе более прихожан,

чтобы иметь более перламутра, жемчуга и кокосового масла, миссионеры превратились в открытых негоциантов и платили за продукты страны частью молитвами, частью товарами.

Надо сказать, что, к счастью, Таити испытал только комические стороны борьбы.

Прежде чем закончить этот длинный рассказ, который, может быть, даже возбудит интерес, потому что говорит о стране, о которой все слышали, и о которой мало кто что-либо знает, я упомяну еще об одном.

Два римских миссионера на Мореа в течение нескольких месяцев не давали ничего, их церковь была пуста, депо товаров также. Несмотря на все их усилия, они не могли сохранить даже простого слуги, а между тем, отстоявший менее чем в двух милях, евангелистский храм оглашался молитвами, а магазины пасторов, видимо, наполнялись бочками кокосового масла и перламутра. Триумфом своим эти последние были обязаны гениальной выдумке начальника английской миссии: он выписал из Лондона целую партию мужских фуражек и женских платьев с серебряными и золотыми галунами, и все пожелали украситься этими новинками. Чтобы получить этот великолепный убор, надо было быть протестантом раньше или перейти в протестантизм, а затем заплатить за вещь ее стоимость произведениями страны.

И вот, по милости моды, все католики дезертировали.

Но вскоре улыбка возвратилась на лица католических миссионеров, они даже начали с насмешкою гулять мимо учреждения их собратьев, хотя их храм был по-прежнему пуст. Через несколько дней причина этой радости объяснилась: судно, пришедшее в гавань Папекти, привезло им множество громадных ящиков, которые патеры поспешили открыть в присутствии всех жителей острова, привлеченных любопытством.

В ящиках было три тысячи маленьких яичек с музыкой... На другой день один из патеров крестил целыми дюжинами, тогда как другой обменивал инструменты и наполнял пустые магазины.

Через четыре дня на острове не осталось ни одного протестанта. Однако, на следующий год протестанты отплатили католикам волшебными фонарями.

Мы очень удалились от экипажа «Bounty», но я уже сказал, что питкернское происшествие служит только рамками для рассказа об Океании.

VI

Праздник — Отъезд «Bounty» — На море

Стоянка «Bounty» близилась к концу. Натуралист и садовник уже успели погрузить на судно множество самых разнообразных деревьев, оставалось еще исполнить кое-какие мелочи. Офицеры и матросы были предупреждены, чтобы они скорее кончали все свои дела, так как по истечении пяти суток никто не будет отпускаться на берег, иначе как по службе, потому что «Bounty» только ждал попутного ветра, чтобы отправиться в дальнее плавание.

Известие это было выслушано всеми с крайним неудовольствием: прелесть Таити очаровала всех. Особенно же были неприятно поражены Христиан и три гардемарина — Гайгуд, Юнг и Стивард, когда они не были при исполнении служебных обязанностей, то жили в изящных бамбуковых хижинах в атмосфере покоя, любви и сладких мечтаний, под влиянием этого мало-помалу забывая и Англию, и свои служебные обязанности.

Нет сомнения, что если бы им удалось получить отставку от Виллиами Блига, то они остались бы на острове.

В течение целых двух дней они составляли самые безумные планы, то предполагая убежать в неприступную часть острова и ждать там, когда отойдет «Bounty», то оказаться больными и под этим предлогом остаться на острове, забывая, что это было бы возможно только для одного, а не для всех, в конце концов, после зрелого обсуждения и не желая подвергаться строгому наказанию за дезертирство, они решили вернуться на бриге в Англию, но поклялись, что, прибывши туда, они законным путем освободятся от службы и вернутся обратно на Таити, как раз в это время Упу-Фара, министр молодого короля Помаре, пригласил экипаж «Bounty» на праздник у озера Вэгириа.

Виллиам Блиг, которого это обстоятельство заставляло отложить отъезд на несколько дней, сначала хотел отказаться, но потом, решив, что это будет неpolitично, переменил свое первоначальное решение и отложил отъезд еще на семь дней.

Накануне самого праздника командиру «Bounty» пришла в голову несчастная мысль арестовать Христиана на все время стоянки на Таити, предлогом к этому послужила простая забывчивость молодого офицера,

заслуживавшая, самое большое, выговора.

Христиан понял, что Блиг действовал подобным образом из желания вывести его из себя и заставить сделать какое-нибудь нарушение дисциплины, а потому, несмотря — на страшный гнев, сдержал себя и не сделал никакого замечания.

Вследствие определенного приказа адмиралтейства Блиг во все время стоянки на Таити должен был давать полную свободу как офицерам, так и матросам, но за несколько дней до отъезда он не мог устоять против искушения помешать Христиану проститься с прекрасной Моэ. Христиан с мрачным видом смотрел как на амураму отправилась большая часть его товарищей вместе с Блигом, а он остался со вторым штурманом Эдуардом и восемью матросами.

Целый день его мучила мысль, что Моэ будет на празднике одна, и он с нетерпением ждал наступления вечера.

Пообедав, Христиан пошел на корму и стал пристально смотреть на берег, находившийся на расстоянии ружейного выстрела. Эдуард, которому Блиг передал командование над судном на пять или шесть дней, понял намерения Христиана и, чтобы не пришлось писать рапорта на своего приятеля, сошел вниз.

Спустя несколько мгновений, несмотря на темноту, молодой офицер заметил отделившуюся от берега черную точку, которая быстро приближалась к кораблю, сердце его страшно забилось, когда он различил пирогу, вскоре приставшую к «*Bounty*».

— Титани! Титани!.. — это Моэ звала тихим голосом Христиана его именем, переделанным на свой лад.

Офицер вздрогнул, огляделся кругом и одним прыжком очутился в пироге.

Когда маленькая лодка отделилась от борта, чтобы плыть к берегу, до Христиана донеслись слова, сказанные шепотом:

— До рассвета вернись обратно.

Это был голос Эдуарда, понявшего все и дававшего своему другу разумный совет.

— Благодарю, — отвечал тихим голосом Христиан, и пирога удалилась... Море было тихо, и только временами доносился шум волн, разбивавшихся о рифы.

Только кое-где старые рыбаки, которых не привлекала амурама, ходили по рифам с факелом в одной руке и копьем в другой, убивая рыбу, которую свет привлекал на поверхность моря.

Около четырех часов утра маленькая пирога отчалила от острова, и

Христиан в сопровождении своей юной подруги возвратился на «Bounty», не обратив на себя внимания часовых. Так повторялось каждый вечер и утро, пока Блиг был в отсутствии.

На следующий же день после своего возвращения, Блиг отдал приказ поднять якорь и, воспользовавшись благоприятным ветром, «Bounty» беспрепятственно вышел в открытое море и, пройдя через пролив между островами Таити и Мореа, направился к югу, чтобы попасть под попутный ветер.

Амурама, данная королем в честь английского командира, была великолепна, в течение пяти дней вокруг всего озера дымились канакские печи, померанцевое вино лилось в изобилии, и каждый вечер при свете факелов, придававших всему фантастический и таинственный вид, триста молодых девушек, самых красивых на всем острове, исполняли танец гупаупа.

С распущенными по плечам волосами, украшенными цветами, они соперничали в танцах с такой же толпой молодых людей, приближавшихся с противоположной стороны.

Но вот празднества окончились, и моряки с глубоким сожалением покидали этот поэтический остров, воспоминание о котором немало способствовало заговору, душою которого стал Христиан. Можно с твердостью сказать, что, покидая Таити, все были одушевлены одинаковым желанием, как можно скорее вернуться обратно.

Однако от этих желаний до катастрофы, завершившей плавание, было еще далеко, и нет сомнения, что если бы Блиг, характер которого сильно испортился, не злоупотреблял данной ему властью, то все бы окончилось благополучно.

Случайно узнав от повара, как Христиан проводил время своего ареста, Блиг пришел в страшную ярость, которая выразилась придирками, тем более многочисленными, что официально он не мог наказать Христиана за неповиновение.

Ничего не вышло и из попытки заставить Эдуарда подать рапорт на своего друга.

— Этот офицер всегда аккуратно подписывал корабельный журнал в те часы, когда он по закону обязан был доказать свое присутствие на палубе, вы знаете это так же хорошо, как и я, командир, — отвечал бравый моряк.

— Однако, сударь, повар...

— В таком случае, отчего бы вам не потребовать рапорта от повара, — перебил с горечью его Христиан, проходивший в это время мимо.

— Я отдаю вас под суд, когда мы прибудем в Плимут! — вскричал Блиг.

Видя, какой оборот принимает дело, Эдуард поспешил скрыться, чтобы, в случае чего, не быть свидетелем против своего друга.

Тогда Христиан поспешил огляделся кругом и видя, что никого из людей поблизости нет, подошел к Блигу и сказал ему глухим голосом:

— Я отлично знаю, что вы хотите меня довести до суда, но я поклялся, что вы не истощите моего терпения и готовлю вам другое удовольствие... Как только мы прейдем, я подам в отставку и тогда...

— Тогда, — повторил Блиг.

— Тогда, — продолжал Христиан, — я поспешу, как можно скорее, наказать такую дрянь, как вы.

— Негодяй! — вскричал командир «Bounty» и занес руку, чтобы ударить своего прежнего товарища.

— Ради Бога, Блиг, — вскричал, дрожа, Христиан, не приближайтесь ко мне, а не то я вас убью.

Несколько мгновений они молча глядели друг на друга, потом, как бы движимые одной и той же мыслью, быстро повернулись друг к другу спиной, что было самым благоразумным из всего, что они могли предпринять.

— Смотри хорошенько за собой, — говорил ему после вышеописанной сцены Эдуард. — Мы будем в Англии не раньше чем через полгода, и я боюсь, чтобы с тобой за это время не случилось какой-нибудь неприятности.

— Я не думал, чтобы можно было так бессовестно злоупотреблять властью!

— Совершенно верно, но разве ты не видишь, что он и с нами так же обращается?

— Это действительно верно, но то, что по отношению к вам можно назвать грубостью, относительно меня есть подлость... Можно подумать, что воспоминание о нашей прежней дружбе увеличивает его ненависть.

— Так не забывай моих слов, — повторил Эдуард, меняя своего друга на вахте... — Малейшая неосторожность с твоей стороны может поставить твою честь и жизнь в опасность.

— Чаша переполнилась, — решительно заявил Христиан, — пора положить этому конец.

Но слова были унесены ветром и не достигли Эдуарда.

VII

Предшественник Робинзона — Англия и Франция в Океании

В это время «Bounty» находился у южной стороны архипелага островов Дружбы и держал курс к острову Тофоо.

Этот маленький уголок земли был за несколько лет до того театром странного события, которое должно бы было вдохновить Даниеля Дефо и писателей всех наций, подражавших ему. Некто Патрик, ирландский матрос, проходя на корабле мимо острова Тофоо, бросился в воду и доплыл до него.

Это был порядочный негодяй, и капитан, вместо того, чтобы его преследовать, был очень счастлив, что избавился от него.

У Патрика был свой план, а потому, прежде чем броситься в воду, он привязал к доске мешок с семенами всех сортов и, толкая все это перед собою, поплыл к берегу.

Добравшись до земли, он обошел остров и выбрал себе для постоянного местопребывания долину, в которой было около двух гектаров земли, удобной для обработки, ему удалось вырастить на ней картофель и овощи, которые он продавал или обменивал приезжавшим в эту местность рыболовам.

По словам капитана Соединенных Штатов Поттера, видевшего этого человека несколько раз, наружность его была самая отталкивающая, он едва прикрывал свою наготу кое-какими лохмотьями и был покрыт паразитами, его рыжие волосы, всклокоченная борода, загорелая от солнца кожа и дикие, отталкивающие манеры делали его более похожим на чудовище, чем на человека.

Патрик в течение многих лег жил совершенно один на этом необитаемом острове, не имея, по-видимому, никакого желания, кроме желания иметь столько водки, чтобы быть постоянно пьяным. А приобретая водку, он уходил в какой-нибудь уединенный уголок долины, где прятал свой драгоценный напиток и напивался до бесчувствия, прия в себя, он снова начинал пить, и это продолжалось до тех пор, пока весь запас не выходил.

Кончил он тем, что дошел до последней ступени падения и отличался от животных только своею безумной любовью к вину.

Однако этот человек, как ни казался он низок, имел свои честолюбивые планы и энергично стремился осуществить их, и даже сумел заставить нескольких матросов-дезертиров помочь ему в его предприятиях.

У него было старое ружье, немного пуль и пороха, которые он приобрел меной. Обладание этим оружием возбудило его честолюбие. Он торжественно объявил себя королем острова, на котором жил один, и вскоре почувствовал непреодолимое желание применить свою власть к первому попавшемуся человеку.

Видно, судьбе было угодно, чтобы этот первый человек был негр, подъехавший к острову в шлюпке с американского корабля и оставленный стеречь ее.

Патрик отправился на то место, где пристала шлюпка и приказал негру следовать за ним, когда же тот отказался, он прицелился из своего неразлучного мушкета и спустил курок. К счастью выстрела не последовало, но испуганный негр согласился идти за ним.

В то время, когда они поднимались в горы, Патрик, шедший впереди с мушкетом на плече, объявил негру, что тот стал его рабом, и что от него самого зависит, как с ним будут обращаться.

Когда они входили в узкое ущелье, негр, видя, что Патрик не особенно остерегается его, напал на него сзади, связал веревкой руки, и взвалив на плечи, притащил к шлюпке, в которой его и доставили на судно.

Капитан приказал наказать Патрика кнутом, после чего его отвезли на берег и заставили указать место, где были спрятаны деньги, вырученные им от продажи картофеля и других овощей.

В то время, когда матросы были заняты поисками денег, несчастному удалось бежать в горы, где он и оставался до тех пор, пока не ушел корабль.

Тогда он вышел из своего убежища, и с этой минуты его постоянно преследовала мысль о мщении.

Иногда ему удавалось напоить до бесчувствия какого-нибудь матроса с судна, пришедшего на остров, чтобы запастись свежими овощами, тогда он переносил его внутрь острова и прятал до отхода корабля. Обыкновенно матрос, чувствуя себя совершенно в его власти, беспрекословно соглашался повиноваться ему. Этим способом ему удалось приобрести четырех товарищей и, удивительное дело, хотя он был для них страшным тираном, они не думали сговориться между собою, чтобы избавиться от него.

Пробовал он приобрести ружья, чтобы вооружить свой маленький отряд, но по какой-то причине, ни одно судно не согласилось продать их ему. Думают, что Патрик всерьез вообразил себя королем, мечтал о победах

и хотел перебить экипаж какого-нибудь небольшого судна и завладеть им, чтобы иметь возможность поехать за женщинами и основать государство... И кто знает, если бы он преуспел в своем намерении, то, может быть, теперь дети этого пьяницы управляли бы тысячами людей, а самое избиение экипажа считалось бы национальным праздником, но, к счастью, этот государственный переворот не мог совершиться.

Как раз в то время, когда Патрик обдумывал свой план, к его острову пришли два судна, английское и американское, и хотели купить у него овощей. Он обещал продать им большое количество с тем, чтобы они послали на другую сторону острова две шлюпки, и чтобы люди пришли к нему на огород, так как его подданные с некоторого времени так заленились, что он не мог заставить их работать. Это условие было принято, и от каждого корабля отправилось в сторону острова по шлюпке. Когда прибывшие матросы подошли к его дому, то не нашли ни его самого, ни его людей. Подождав несколько времени, они потеряли терпение и вернулись на берег, где нашли только обломки одной из шлюпок, приставших к бухте Патрика. Командиры судов были принуждены послать за своими матросами новые лодки, а затем, опасаясь какого-нибудь нового мошенничества, решили скорее покинуть остров, оставив Патрика и его сообщников спокойными обладателями украденной шлюпки. Однако прежде, чем сняться с якоря, они положили в ящик, который прикрепили у берега, письмо, где описывалась вся рассказанная нами история,

Спустя несколько времени, на Тофоо пришел капитан, по имени Рандаль, он нашел это письмо, но только уже тогда, когда послал на остров шлюпку за овощами. Наконец, они вернулись и привезли письмо ирландца, найденное в его хижине и заключавшее в себе следующее:

«... Я часто просил капитанов продать мне шлюпку, но они всегда отказывали мне, теперь, когда мне представляется случай приобрести такую шлюпку, я пользуюсь им... »

«Я долго старался при помощи труда и страданий собрать небольшое состояние, которое позволило бы мне жить в некотором довольствии, но меня много раз обкрадывали и обижали, в последний раз один капитан не постыдился побить меня и украсть у меня еще около пятисот долларов... Измученный таким существованием, я отправляюсь вместе с моими товарищами на Маркизские острова, без сомненья, у дикарей мы будем подвергаться меньшим опасностям, чем в обществе людей, называющих себя цивилизованными... »

«Я прошу тех, кто найдет эту записку, не убивать старой курицы, которая сидит на яйцах в углу хижины, цыплята должны скоро

вылупиться».

Патрик приехал один, но не на Маркизские острова, до которых он не мог добраться, не имея чем руководствоваться во время пути, а в Гваяквиль, на берегу южной Америки. По его рассказам, товарищи по путешествию погибли во время пути от недостатка воды, но гораздо вероятнее предположить, что он сам избавился от них, когда заметил, что запас воды уменьшается.

Когда он прибыл в Гваяквиль, то отправился оттуда в Пейта, где пленился одной негритянкой, которая платила ему взаимностью. Он добился от нее согласия следовать за ним на его остров, красоты которого он вероятно описал самыми блестящими красками.

Но его дикие манеры и наружность обратили на него внимание полиции, и так как он бродил около голета, которым могли в крайнем случае управлять два человека, то его заподозрили в дурных намерениях и арестовали. При помощи нескольких пиастров, двери испанской тюрьмы легко отворяются, но у Патрика не было ни гроша. Поэтому он в течение многих лет был лишен свободы, под чудесным предлогом, «что для того, чтобы его выпустить, было так же мало поводов, как и для того, чтобы арестовать».

В стране благородных гильтальго жалованье чиновникам выплачивалось плохо. Но в американских колониях жалованье вообще никогда не платилось... Поэтому директор и сторожа тюрем заставляли платить себе арестантов, не было такого бедного жителя, который не возвратил бы себе свободы... А так как из принципа тюрьма не должна быть совсем пуста, то суровые стражи вознаграждали себя на иностранцах, не имеющих ни гроша, которых держали под замком сколько хотели.

В течение трех лет несчастный Патрик играл в Пейте такую роль. Он был обязан своей свободой только болезни. Чтобы не возиться, ухаживая за ним, его выпустили.

В этот промежуток времени, его Дульсинея отправилась искать утешения в другом месте, и несчастный был принужден, чтобы не умереть с голоду, играть на ирландской дудке на балах негров.

Вот так окончилась одиссея этого несчастного. И очень хорошо, что Патрику не удалось со своей возлюбленной добраться до какого-нибудь необитаемого острова Океании, он, без сомнения, произвел бы там поколение. Двести лет спустя после его смерти воспоминание о нем изгладилось бы, и найдя его потомков получерных, полурыжих и курчавых какой-нибудь кабинетный ученый не преминул бы утверждать, что видит перед собою первобытных жителей Океании, которые все должны были

быть рыжие и курчавые...

Патрик только что уехал с Тофоо, когда командир «Bounty», которому было приказано посетить и осмотреть все острова на пути, чтобы заметить те, из которых английское правительство могло бы извлечь какую-нибудь выгоду, решился остановиться тут на несколько часов.

Англичане, образовав свои многочисленные колонии, казалось, задались целью снабжать продуктами весь мир.

Острова Джерсей и Гернсей в Ла-Манше служат для того, чтобы отплатить Франции контрабандой разницу ввоза, Мальта и Церфу приближают Англию к Леванту и обеспечивают ее преобладание в торговле Средиземного моря, ключом к которому служит Гибралтар. Кроме того, это базар, из которого Англия постоянно делает свои меркантильные экскурсии в Варварийские владения, острова

Ормудские обеспечивают торговлю Персидского залива и впадающих в него больших рек, остров Сокотра составляет единственное в своем роде место относительно Красного моря. Пинонг господствует над Малакским проливом, острова Мельвиль и Батурет будут средством, чтобы пробраться на Молукские острова, мыс Доброй Надежды служит для того, чтобы утвердить преобладание в Индийском океане, облегчая в то же время вторжение в Африку. Благодаря Ямайке, Англия господствует над Мексиканским заливом.

Ни одно английское судно не ходит вокруг света без приказания заходить ко всем берегам, проникать во все бухты и затем доносить о лучших пунктах, торговых, стратегических или продовольственных, которыми можно было бы овладеть.

Вот таким образом, обеспечивая пути для своей громадной торговли, Англия обеспечила свое могущество в будущем.

Но что же делать Франции с тех пор, как она оставила политику Кольбера?

Таким образом, в виду выставленных мною принципов, руководящих много веков поведением Англии, командир «Bounty» получил приказание посетить все земли, которые попадутся ему на пути, снять планы всех бухт, которые могут служить убежищем судам, разузнать об их производительности, о характере населения и о месте, где легче всего устроиться в случае, если найдется удобным основать там морскую станцию или контору.

По этим причинам остров Тофоо был осмотрен всесторонне, затем «Bounty» снялся с якоря и продолжал путь.

Снимаясь с якоря, Блиг имел со своими офицерами спор, пустой по

своим причинам, но сделавшийся серьезным от того раздражения, которое он внес в него, и, по обыкновению, весь гнев его обрушился на Христиана.

Почти целый день молодой человек составлял в уме самые ужасные планы, двадцать раз он думал о самоубийстве, до такой степени жизнь на бриге сделалась для него невыносима. Но образ улыбающейся Моэ и прелестные виды Таити, постоянно ему мерещившиеся во сне и наяву, заставили его откинуть эту мысль, и он решил, во что бы то ни стало, оставить судно при первом благоприятном случае. Приняв твердое решение, он несколько успокоился и начал более хладнокровно исполнять свои обязанности.

VIII

Заговор — Снова на Таити — Питкерн

В чудную тропическую ночь Христиан мечтал о средствах оставить «Bounty», где жизнь сделалась для него невыносимой, опервшись на борт, он мысленно перебирал все нравственные страдания, которые он вытерпел во время плавания, и в то же время взгляд его рассеянно следил за видневшимися вдали туманными очертаниями островов... Вдруг ему пришла в голову идея, за которую он ухватился без всяких рассуждений, море было спокойно, почему бы ему не броситься в воду и, держась за доску, добраться до соседнего острова, а оттуда при помощи туземцев было бы легко добраться в пироге до Таити. — Жребий брошен, — прошептал он, как бы желая укрепиться в принятом решении, — восходящее солнце не застанет меня на «Bounty».

Он так погрузился в свои мысли, что последние слова произнес настолько громко, что их услышал гардемарин Юнг, наблюдавший за ним уже несколько времени.

— Тише, лейтенант, — поспешил сказать он, подходя, — разве вы не знаете, что командир приказал наблюдать за вами?

— А, это вы, Юнг, — сказал Христиан, — ну, мой дорогой, я не долго буду затрудняться этим.

— Тише, прошу вас.

— Не все ли равно, через десять минут я буду в безопасности от его мщения.

— Что вы хотите этим сказать?

— Что же, товарищ был бы для меня не лишним, хотите отправиться со мною, Юнг?

— Я к вашим услугам, лейтенант.

— Я хочу вернуться на Таити.

— На Таити?.. Лейтенант, не угодно ли вам будет окончить этот разговор в нашей каюте. Есть вещи, о которых лучше не говорить здесь.

— Охотно, Юнг, но я не могу пробыть с вами более пяти минут.

— Что же вы хотите делать?

— Через несколько минут мы будем проходить менее чем в ста ярдах от острова, который виднеется, нам будет очень легко доплыть до него.

— Так это ваш план?..

— Расстояние слишком ничтожно, чтобы мы подвергались хоть малейшей опасности, и к тому же я предпочитаю смерть дальнейшей жизни здесь...

— Пойдемте, лейтенант, я могу предложить вам нечто лучшее... с этой целью я прервал ваши размышления.

Прийдя в каюту Христиана, Юнг тщательно запер дверь и без всяких предисловий поспешно сказал:

— Оскорбленные недостойным обращением капитана, Гайвуд, Стивард и я устроили заговор, который должен разразиться сегодня ночью. Половина экипажа на нашей стороне с тем условием, если с нами будет хоть один офицер. Согласны ли вы принять командование судном?

При этом странном сообщении Христиан озадаченно взглянул на своего юного собеседника, которому еще не было восемнадцати лет.

— Вы предлагаете мне преступление, Юнг, — сказал он наконец.

— Пожалуй! — ответил гардемарин.

— Но Англия поставит на ноги весь свой флот, мы во всем свете не найдем уголка, чтобы скрыться, и наказание не замедлит настигнуть нас.

— Мы отомстим, и не все ли равно, если нас за это повесят?.. Решайтесь, нельзя терять ни минуты, нас двадцать два человека, готовых действовать, но если дело затянется, то невозможно, чтобы в этом числе не оказалось хоть одного изменника.

В душе Христиана происходила сильная борьба, но честь моряка уступила желанию отомстить, ему представился его враг, умоляющий его о прощении, и он перестал колебаться.

— Я согласен, — сказал он, — но только с одним условием, чтобы жизнь Блига и других офицеров была сохранена.

Юнг вышел и сейчас же возвратился, говоря, что заговорщики ждут его у ящиков с оружием.

Лейтенант засунул за пояс пистолеты и с саблей в руке последовал за ним, в одно мгновение заговорщикам было роздано оружие, шкипер Адаме, разбуженный шумом, подошел к ним и присоединился из боязни оказаться на стороне слабейших.

Моментально все офицеры были захвачены в постелях и связаны, Христиан сам захватил командаира, один Эдуард, бывший на вахте, был оставлен на свободе, так как обращение с ним Блига было до такой степени недостойно, что никто не сомневался, что по окончании дела Эдуард примет их сторону.

Однако Эдуард стал уговаривать их исполнять свой долг, видя, что это

не удается, он хотел собрать вокруг себя ту часть экипажа, которая осталась верной, и силой освободить командира, но так как у него не было оружия, пришлось отказаться от этого плана, он еще не знал, что Христиан стоит во главе возмущения, а когда он увидел его, поднимающегося с нижней палубы, окруженного десятком сообщников, — бросился к нему навстречу, заклиная не вести далее его преступной попытки.

— Поздно, Эдуард, — отвечал с горечью молодой человек, — мы сделали более чем достаточно, чтобы быть повешенными... Мы пойдем до конца.

— Клянусь тебе, и командир, который нас слышит, подтвердит мои слова, что если вы откажетесь от ваших планов, то великодушное прощение будет ответом на это минутное забвение, никакого протокола не будет составлено об этой сцене, и в корабельный журнал не будет внесено ничего, что могло бы вас компрометировать.

Христиан колебался.

— Ну, друг мой, последуй доброму совету.

Никто не может предвидеть, что случилось бы, если бы не вмешался Юнг и один матрос по имени Кинталь.

— Не трусьте, лейтенант, — сказал гардемарин, — или мы погибли.

— Нам обещают ни более, ни менее, как петлю, только через полгода! — вскричал Кинталь. — Если наши начальники боятся, то мы все-таки не отступим, не так ли, друзья?

— Да, да! — хором закричали матrosы,

— Христиан, — сказал Блиг, который должен был страшно страдать, что принужден снизойти до просьб, — я подтверждаю все слова Эдуарда.

— Это ты довел нас до этого, — отвечал Христиан, вдруг сделавшийся мрачным, услышав голос своего врага.

— Подумай о горе моей жены и моих бедных детях.

— А думал ли ты о моих старых родителях, когда всячески притеснял меня, стараясь довести до крайности, чтобы иметь возможность отдать меня под военный суд... Никто здесь не может на тебя положиться, что сделано, то сделано, к тому же мы не замышляем против твоей жизни.

Между некоторыми заговорщиками при этих словах послышался ропот, но другие заглушили их голоса, закричав:

— Нет! Нет! Не надо крови, мы хотим только избавиться от них, вот и все.

— Дураки, — сказал Кинталь, — если вы хотите, чтобы все так кончилось, то не надо было начинать... Разве вы не понимаете, что с этой минуты мы находимся в положении законной обороны, и что, если мы не

убьем их, то будем убиты сами!

— Мы не поднимем руки ни на офицеров, ни на наших товарищей.

— Недостает им только дать средство добраться до Англии, и немного времени пройдет, как мы будем болтаться на виселице, — заметил матрос Мартин, бывший на стороне Кинталя.

К счастью крайняя партия составляла слишком немногочисленную группу, а потому решение пощадить жизнь пленников осталось в силе.

Христиан немедленно собрал совет, чтобы решить, что с ними делать.

Относительно этой важной части события, я приведу здесь целиком донесение Адмиралтейству об этом деле.

«Как только возмущение совершилось, заговорщики решились отпустить своих пленников на волю волн, для этого одни желали дать им катер, другие стояли за шлюпку, и большинство высказалось за последнюю. Ее и спустили в море. Но Мартин, боясь, чтобы шлюпка не дала возможности офицерам возвратиться на родину, и чтобы вследствие этого не стали разыскивать бунтовщиков, снова выразил свое живейшее неодобрение неблагоразумной снисходительности.

В виду этого, его товарищи, вверившие ему присмотр за их пленным начальником, передали его Адамсу, боясь, чтобы он не позволил себе против него какой-нибудь крайности.

Между тем шлюпка была спущена на воду, и все офицеры, оставшиеся верными своему командиру, были принуждены сойти в нее, им дали небольшую бочку воды, полтораста фунтов бисквита, небольшое количество рома и вина, компас, несколько удочек, веревки, полотно и различные предметы, которые могли им быть необходимы.

Затем заставили спуститься командира, который просил, чтобы, им дали еще несколько мушкетов для защиты в случае надобности, но в этой просьбе ему было отказано, и им бросили всего несколько дожей.

После этого судно пошло по направлению к Тофоо, и, когда остров стал виден, канат, привязывавший шлюпку, перерезали, и все бунтовщики в один голос закричали: на Таити!.. На Таити!

В шлюпке было всего семнадцать человек: командр, штурман и его помощник, доктор, ботаник, три офицера и девять матросов, «Bounty» досталась лучшая часть экипажа, Христиан, которому было поручено командование, три гардемарина — Гайвуд, Юнг и Стивард, затем садовник, оружейный мастер, плотник, которого принудили остаться, так как его услуги могли понадобиться, и остальные матросы».

Когда Мартин, напрасно стараясь заставить лишить жизни пленников, увидел шлюпку, снабженную всеми необходимыми средствами,

чтобы достичь какого-нибудь обитаемого острова, он захотел оставить своих товарищ из боязни предстоящей им участи, но Кинталь с мушкетом в руках воспротивился этому.

— Это ты, — сказал он, — увлек меня в заговор и теперь волей-неволей разделишь нашу участь.

Идя некоторое время на северо-запад, чтобы обмануть экипаж шлюпки относительно принятого направления, они повернули на Таити, как только ветер позволил сделать это.

Размер настоящего рассказа не позволяет мне распространяться об участи Блига и его товарищ, поэтому я скажу несколько слов о перипетиях их странной одиссеи.

Хотя они были на судне без палубы, почти без съестных припасов, среди безграничного океана, они не потеряли мужества, и Блиг постоянно подавал им пример непоколебимой твердости, управляя шлюпкой, продолжая свои наблюдения и ведя журнал.

После чрезвычайных страданий и трудов, при которых один из несчастных погиб, они приехали на остров Тимор, пройдя на простой шлюпке более тысячи ста миль. Голландский губернатор принял их со всем участием, какого заслуживали их положение и их приключения, и они вскоре были в состоянии возвратиться в Европу.

Блиг был встречен в Англии с триумфом, и его не только не обвинили в неуспехе экспедиции, но еще назначили капитаном корабля. Ему даже предлагали командование судном, назначенным для поимки бунтовщиков, но у него хватило достоинства, чтобы просить избавить его от этого, вынесенные им испытания изменили его характер, и он не желал подобного поручения.

Некоторое время спустя он был снова послан на Таити во главе двух судов, и на этот раз его экспедиция была увенчана полным успехом. Блестящие заслуги Блига впоследствии доставили ему высокий чин адмирала.

Теперь возвратимся к бунтовщикам.

Благодаря противным ветрам «Bounty» с трудом подвигался в Таити. Видя это Христиан, который хотел так же, как и весь экипаж, отправиться на остров, чтобы уговорить Моэ сопровождать его и позволить своим людям взять себе жен, но только не оставаться там, находя пребывание на Таити слишком опасным, решился исследовать мимоходом несколько островов, чтобы выбрать плодородный и в то же время мало известный мореплавателям, где бы они могли поселиться.

Направив судно на юг, он скоро подошел к острову Тубуэ.

Посоветовавшись с офицерами, он высказал свои мысли экипажу, который понял всю их важность, и было решено, что прежде, чем идти на Таити, они сделают некоторые приготовления к переселению на этот остров, казавшийся им удобным.

Но едва они высадились, как туземцы встретили их с оружием в руках, и они никак не могли дать им понять своих миролюбивых намерений, тогда они возвратились на судно и продолжали путь на Таити, откуда им легко было бы возвратиться с переводчиками.

Наконец после недельного переезда они увидали этот очаровательный остров.

Когда «Bounty» подходил к острову, толпа туземцев, узнавших судно с берега, выражала свою радость громкими криками, а когда бриг, наконец, встал на якорь, то весь экипаж кинулся на берег.

Новоприбывшие рассказали своим друзьям, таитянам, что командир Блиг, найдя удобную для поселения землю и устроившись на ней, послал их на Таити за скотом, за желающими переселиться мужчинами и женщинами и всем, что необходимо для его проекта колонизации.

Благодаря этому рассказу, они получили все, чего хотели, и около тридцати человек мужчин и женщин решились сопровождать их.

«Тогда, говорит журнал, который вел гардемарин Юнг, полные надежды, что объяснения переводчиков облегчат их переселение на Тубуэ, и снабженные всем необходимым, они направились вторично к этому острову.

Их новая попытка была не счастливее первой, так как туземцы, против которых они нашли благоразумным защититься, на всякий случай, валом, окруженным рвом, вообразив, что этот ров предназначался для того чтобы их зарыть в нем, составили план напасть на них врасплох. Моряки наверное бы погибли, если бы один из переводчиков не открыл этого ужасного плана и не предупредил о своем открытии. Тогда европейцы сами предупредили дикарей и, перейдя в наступление, убили и ранили многих из них, а оставшихся в живых прогнали в глубь острова».

Этот насильственный поступок, конечно, не прошел даром: не было дня, чтобы европейцам не приходилось выдерживать ночного боя.

Тогда между европейцами поднялись сильные несогласия: одни доказывали невозможность поселиться на Тубуэ и желали возвратиться на Таити, другие, не отвергая постоянных опасностей, которым они подвергались от враждебности туземцев, утверждали, что все-таки лучше остаться здесь, чем на Таити, который не предоставлял им безопасного убежища.

Дело дошло до того, что Христиан принужден был поставить на голосование три следующих предложения: Остаться на Тубуэ. Искать другого удобного места. Вернуться на Таити.

Это последнее предложение, несмотря на все старания лейтенанта доказать его безумие, получило громадное большинство, и пришлось начать приготовления к отъезду. Итак, «Bounty» в третий раз возвратился на Таити. Со времени бунта прошло около восьми месяцев, и Христиан только по настоянию своих людей решился идти на этот остров: могло случиться, что Блиг по дороге встретил какое-нибудь военное английское судно и вернулся назад наказать бунтовщиков, поэтому, входя на рейд, Христиан со страхом смотрел, не видно ли какого-нибудь судна.

У берега стояло всего несколько пирог, и Христиан невольно вздохнул с облегчением. Экипаж «Bounty» был встречен таитянами с прежними выражениями радости, и король пригласил моряков остаться на острове, обещая уступить им земли, какие они пожелают.

Христиан собрал всех своих товарищей и решительно объявил, что он со своей стороны не останется на Таити более суток и просил сказать, кто хочет сопровождать его в поисках другого, более безопасного убежища.

Сейчас же на сторону лейтенанта стали гардемарин Юнг, плотник Мимс, оружейный мастер Виллиам, садовник Мак-Кой и матросы Кинталь, Мартин и Броун.

Все остальные объявили, что хотят остаться на Таити.

После этого был произведен равный раздел оружия, патронов, утвари, инструментов и съестных припасов, и на другой день Христиан снова выходил в море со своими спутниками. Моэ, жена лейтенанта, и все другие таитянки предпочли следовать за европейцами и отказались остаться на Таити. Шесть туземцев с их женами, также изъявили желание сопровождать европейцев и разделить их участь.

Новая экспедиция обошла архипелаг Помоту и дошла до еще малоизвестного архипелага Мореплавателей.

На юге этого архипелага после многодневного плавания они заметили маленький зеленоющий островок с тенистыми долинами, лежавшими между высокими горами, который, как им казалось, соединял в себе все условия одиночества и безопасности, которых они искали.

— Вот место нашего вечного убежища, — сказал Христиан своему другу Юнгу... — Или наши кости будут со временем покойиться в глубине этих веселых равнин, или мы будем повешены на Плимутском рейде.

Затем, по его приказанию бриг был сломан в маленькой бухте, которой они дали имя судна, окончившего в ней свою карьеру.

На следующий год английское военное судно «Флора» пришло на Таити и забрало всех гардемаринов и матросов, которые там поселились, несмотря на предостережения Христиана... Восемь месяцев спустя их судил военный суд.

Никогда английскому судну не удалось бы захватить бунтовщиков на этом острове, богатом на разные тайные убежища, если бы капитан не заручился помощью туземцев, напоив их водкой и сделав им богатые подарки.

Но я должен сказать, к чести таитянок, что они с редкой энергией защищали своих европейских друзей, и что многие туземцы, выдавшие их, были убиты женщинами во время оргии.

Одной даже удалось так хорошо спрятать молодого гардемарина Гайвуда, что «Флора» ушла, не захватив этой последней добычи.

Чтобы спастись от крейсеров, которые избороздили Тихий океан в поисках остальных бунтовщиков и время от времени заходили на Таити, чтобы постараться им овладеть, Гайвуд в течение пятнадцати лет жил в лесах и на возвышенных вершинах острова, беспокойно глядя на горизонт, чтобы узнать принадлежность проходивших судов.

И в течение всего этого времени Магина, его жена, оставалась верной ему, сбивала все розыски и окружала его неистощимой преданностью.

Как только какой-нибудь крейсер появлялся на рейде, Гайвуд исчезал так, что никто не мог найти, а Магина спускалась на берег, чтобы наблюдать за тем, что произойдет.

Во все время пребывания английского военного судна молодая женщина не оставляла округа Паре, в котором расположен порт, наблюдая за всеми действиями иностранцев.

Иногда отряд морских солдат сходил на землю и направлялся в глубь острова. Тогда Магина зажигала костер из сырого леса, дым от которого поднимался к небу черными клубами, и с пением возвращалась в деревню... А через два или три дня экспедиция, по обыкновению, возвращалась с пустыми руками.

Как только судно уходило в море, Магина возвращалась в горы, и время от времени Гайвуд решался показываться в деревнях.

Однако однажды командир «Пандоры» Мевиль чуть было не овладел гардемарином.

Прибыв на Таити с поручением, таким же, как у его предшественников, и так же, как они, не преуспев во всех своих попытках, он решился подкупить Магину и узнать от нее тайну убежища Гайвуда.

Молодая таитянка, узнав, что английский капитан желает с ней

говорить, без всякой заминки отправилась к нему.

Мевиль принял ее окруженный всеми своими офицерами и с церемонией, которая должна была поразить дикарку.

Драгоценности, яркие шелковые материи и множество красивых вещей были разложены на столе.

Приготовлено было угощение, и командир предложил Магине разделить его с ним и его офицерами.

Молодая женщина жестом отказалась.

Когда он стал настаивать, она сказала:

— Слушай, тегавава (командир), я скажу тебе слово, которое нахожу хорошим... Я не стану ни есть, ни пить с тобою, потому что твои напитки расстраивают ум, а когда ум расстроен, слова выходят наоборот, как отону (краб), который бродит по рифам.

— Ты ошибаешься насчет моих намерений, Магина, — возразил Мевиль, — мы просто хотим принять тебя, как того заслуживает такая красавица. Ты хорошо знаешь, что твои подруги бывают у нас, и одна ты никогда не приходишь.

— К чему говорить не то, что думаешь, тегавава? Ты позвал меня сюда только для того, чтобы узнать, где прячется Тативати (так таитяне звали Гайвуда).

— Хорошо, если ты угадала, то я не стану притворяться.

— Я хорошо знаю, что Моуи (Мевиль) рассчитывает на свои напитки, чтобы узнать мысли Магины.

— Пожалуй! Ты знаешь, что Тативати, как ты называешь, совершил большое преступление, и наши законы требуют, чтобы он был наказан.

— Тативати не нравилось на корабле, Тативати думал о Магине, которая плакала на берегу, ожидая его возвращения, и Тативати оставил корабль, чтобы вернуться к ней и своему ребенку, который должен был родиться. Если бы он этого не сделал, он был бы злым человеком. Разве преступление держать свое слово? Тативати никого не убил и не сделал никому зла.

— Да! Но он возмутился против своего начальника и посадил его в лодку, где тот чуть не погиб.

— Вы уже убили за это десятерых и хотите еще убить Тати.

— Нет, клянусь тебе, наш король помилует его.

— Так для чего же ты приехал за ним? Прости его и возвращайся в свою страну.

— Он должен сам себе просить прощение.

— Тати не станет просить у вас прощения, и, пока я жива, вы не возьмете Тати. У нас в горах трое детей, и вы не отнимете у них отца... Прощай, тегавава, береги для других эти украшения, которые ты разложил здесь. Значит женщины твоей страны способны изменить своим мужьям за подарки, если ты мог подумать, что я выдам тебе Тативати.

Сказав это, молодая женщина повернулась, чтобы идти к своей пироге.

— Еще одно слово, Магина, — сказал ей капитан, — ты сама решишь участь Тативати... Все мы, офицеры и я, мы даем тебе слово, что жизнь его не подвергнется опасности, если ты уговоришь его, чтобы он сам отдался в наши руки, но если мы захватим его, то ему придется разделить участь его товарищей.

— У вас, верно, есть крылья на ногах, что вы надеетесь взять Тативати?

— Клянусь тебе, что не пройдет и месяца, как он будет в наших руках.

— Желаю счастья, тегавава, — сказала молодая женщина, рассмеявшись.

Мевиль все еще не считал себя пораженным. Испытав неудачу с Магиной, он решил привести в исполнение план, задуманный им несколько дней тому назад, который, по его мнению, должен был предать в его руки последнего бунтовщика, скрывавшегося на острове Таити.

Он таинственно переговорил с полусотней дикарей, тщательно выбранных между последними негодяями, и сделал им такие соблазнительные посулы, что те обещались помочь его плану.

Ловушка, которую они решились устроить для Гайвуда, была придумана довольно удачно.

Он должен был приказать поднять паруса и объявить, что возвращается обратно в Англию, но в сущности, только скрыться из виду. Через четыре дня он должен был прислать две шлюпки с хорошо вооруженными матросами к мысу Итиа. В это время дики, осторожно следя за Магиной или воспользовавшись тем, что Гайвуд сойдет вниз, должны были схватить его и выдать в условленный день.

Сначала все шло по желанию заговорщиков. Мевиль дал большой праздник начальникам острова, на который все ответили в свою очередь амурамой, и объявил открыто, что отказывается овладеть неуловимым Тативати.

На следующее утро он снялся с якоря, поднявшись по ветру на запад, он повернулся прямо на юг.

В тот же вечер Магина отправилась в горы. Она медленно шла по берегу ручья, как вдруг ей послышалось, что сзади хрустнул сухой сучок.

Ей вдруг пришло в голову, что за нею следят, но она не обернулась, а поспешно бросилась в густые кусты и остановилась там, едва переводя дыхание... Целый час простояла она в таком положении, внимательно прислушиваясь, но ничто не подтвердило ее подозрений, и она спокойно продолжала свой путь по большой долине Тегауру и, мало-помалу поднимаясь, дошла до той площадки Орофева или горы Диадемы... Гайвуд оставил между тем свое убежище и ждал ее со старшим сыном.

— Зачем ты оставил свое убежище? — сказала она, обняв его.

— С вершины Оро я видел, как судно исчезло сегодня утром на юге, оно совсем ушло.

Едва успел он выговорить эти слова, как человек тридцать дикарей схватили его и, несмотря на крики и мольбы Магины, увлекли по направлению к мысу Итиа.

— Вернись к братьям, — сказала молодая женщина сыну, — и не выходите, пока я не возвращусь.

Сказав это, она со сверкающими глазами бросилась вниз к одному из самых крутых спусков, но зато сокращавших почти вдвое дорогу к деревне Паре, где жили ее родственники и друзья.

Похитители Гайвуда не рассчитали ее энергии.

Едва прибежав вниз, она подняла всю деревню на ноги рассказом об ужасной измене, она узнала жителей Итиа, и так как между ними и жителями Паре существовала старинная ссора, то Магине не стоило большого труда увлечь последних за собою. Они бросились бегом и пришли к мысу почти вместе с похитителями, которые принуждены были нести Гайвуда.

Пленник был в одно мгновение освобожден, а негодяи, взявшие на себя постыдное дело, были отвергнуты даже жителями их деревни и принуждены сознаться, что должны были на другой день вечером выдать Тативати Мевилю.

Двадцать четыре часа спустя, когда моряки с «Пандоры» подъехали к Итиа, они были встречены градом камней и поспешно сели обратно в лодки, думая, что им, устроили западню.

С этого времени английские корабли не возобновляли более своих попыток схватить Гайвуда, и он мог жить почти спокойно. Но, каждый раз, когда английское судно стояло на рейде, он из осторожности прятался в свое неприступное жилище.

Он умер около пятнадцати лет спустя, и на острове еще сейчас есть человек двадцать его потомков.

После долгих поисков бунтовщиков, оставивших Таити на «Bounty»,

под командою Христиана, английское Адмиралтейство решило, наконец, что корабль погиб и со временем дело это было забыто совершенно.

Впрочем, количество казней было велико, чтобы на будущее моряки решились последовать примеру их товарищей с «Bounty». В течение полутора лет на Плимутском рейде было повешено одиннадцать человек.

Теперь мне только остается сообщить читателям последний акт этой странной драмы, развязка которой произошла на Питкерне.

IX

Колония на Питкерне — Заговор таитян — Избиение европейцев — Мщение — Патриарх Питкерна

Когда бунтовщики прибыли на остров Питкерн, то они, сняв с «Bounty» все, что можно, сожгли его из боязни, чтобы судно не выдало их присутствия.

Христиан был единодушно выбран начальником новой колонии, а Юнг его помощником. Первым делом их было найти подходящую местность для постройки жилищ, они нашли ее в красивой долине, чрезвычайно плодородной и закрытой со всех сторон от моря, чего они особенно желали. Затем они перенесли туда всевозможные припасы, различные инструменты, паруса, веревки, железные вещи и другие предметы, в изобилии оставшиеся на «Bounty» после раздела.

По дороге к месту постройки они нашли два или три грубо обтесанных камня и их охватил страх при мысли, что остров может быть обитаем, но, обойдя его, они убедились, что на острове кроме них нет никого, тогда при помощи дикарей они принялись за постройку хижин.

Питкерн, несмотря на свою небольшую протяженность, был лучшим убежищем, какое они только могли себе найти, на острове было множество сортов съедобных растений, много дичи, а бухты наполнены рыбой, и кроме того местность была крайне живописна. Единственным недостатком было очень ограниченное количество пресной воды.

Избавившись от всяких опасений, маленькая колония с жаром занялась своим устройством.

В течение первого года дневник Юнга не заключает в себе ничего особенного.

Хижины были все сооружены, плотник Мильс построил лодку для рыбной ловли, засеяно было много полей, дикари сделали большие рыболовные сети из волокон кокосового ореха. Маленькая колония жила в полном довольстве, трое родившихся детей еще более увеличили благополучие.

В это время на острове было девять европейцев: Христиан, Юнг, Адамс, Мильс, Виллиам, Броун, Мартин, Мак-Кой и Кинталь и семья дикарей — Ону, Талалу, Тимоа, Негу, Менали, Тетагейте и Тенина — всего

шестнадцать мужчин, столько же женщин и восемь детей. Всего сорок человек.

Казалось бы, что маленькой колонии оставалось только вести беззаботную патриархальную жизнь, которую так любят жители Океании. Правда, бывшие моряки немного злоупотребляли своими друзьями таитянами, заставляя их исполнять самые грубые работы, но последние исполняли их не жалуясь. Власть Христиана была признана всеми, и казалось ничто не нарушит согласия, царствовавшего между членами колонии, и не помешает ее процветанию, как вдруг простая случайность произвела такой переворот, что через несколько лет на острове остался всего один мужчина, Адамс, девять женщин и двадцать два ребенка.

Можно предположить, что сама судьба решилась наказать бунтовщиков. Мы как можно короче опишем мрачную и печальную картину разрушения колонии.

Жена Виллиама, отыскивая птичьи гнезда, упала в глубину оврага и разбилась. Тогда оружейный мастер, угрожая оставить остров на сохраненной на всякий случай шлюпке, потребовал, чтобы ему дали другую жену и указал на жену дикари Талалу.

Так как помощь оружейного мастера была слишком необходима, колонисты заставили Талалу уступить свою жену Виллиamu.

С этой минуты согласие между европейцами и таитянами было нарушено, и последние организовали заговор, чтобы истребить всех европейцев.

Несомненно, что дело удалось бы, если бы таитяне не имели слабости сообщить своего плана женам.

Удивительная вещь, таитянки во всех спорах всегда были на стороне европейцев против своих соотечественников.

Так и в этом случае. Они отправились к жилищам Христиана и его товарищей и начали петь:

«Для чего желтый человек точит топор? Для того, чтобы убить белого человека».

Жены европейцев сейчас же предупредили своих мужей, которые вышли вооруженными, и таитяне стали молить о прощении, которое получили только при условии, что сами убьют двух зчинщиков заговора.

Ону отрубили топором голову, а Талалу был зарезан своей собственной женой, сделавшейся женой Виллиама.

С этого времени пятеро оставшихся таитян, несмотря на все старания Христиана, Юнга и Адамса воспротивиться этому, были притесняемы остальными европейцами, в особенности Мак-Коем и Кинталем.

Тогда таитяне снова решили убить без различия всех европейцев, но на этот раз ничего не сказали женам.

Было решено, — говорит дневник Юнга, — что двое из них, Тимоа и Негу, достанут огнестрельное оружие и спрячутся с ним в лесу, поддерживая постоянные сношения со своими товарищами, и что в назначенный день убьют всех англичан во время их работ на плантациях. Тетагейте также попросил на этот день для себя ружье под предлогом, что хочет поохотиться, но вместо этого отправился к своим товарищам, и все трое напали на Виллиама, которого и убили. Такая же участь постигла и Христиана, и Мильса.

Мак-Кою удалось спастись от них и присоединиться к Кинталю, который при известиях об убийствах успел с помощью жены скрыться в горы.

Менали и Тенина убили Мартина и Броуна.

Адамс, вовремя предупрежденный женою Кинталя, убежал в лес, но затем, думая, что спокойствие восстановилось, решился возвратиться на свое поле, чтобы взять съестных припасов. Тут дикии напали на него и нанесли две раны, несмотря на которые он попытался бежать. Видя что он ускользает от них, враги закричали ему, чтобы он вернулся, что его жизнь будет пощажена. Женщины отнесли его в дом Христиана, где он нашел Юнга, которого они тоже спасли.

Но смерть белых была скоро отомщена. Таитяне начали оспаривать друг у друга жен их жертв, и вскоре Менали убил Тимоа, но сам, боясь такой же участи, скрылся в горы и принес повинную Мак-Кою и Кинталю. Последние воспользовались этим подкреплением, чтобы напасть на таитян, оставшихся в деревне, и начали в них стрелять. Адамс, посланный парламентером, предложил им возвратиться с тем условием, чтобы они убили Менали, и те согласились на это, но в свою очередь, потребовали смерти Тетагейте и Негу.

Вне себя от смерти своих мужей-европейцев, женщины бросились на дикарей и разорвали их в куски, Мак-Кой и Кинталь, чтобы исполнить условие, убили Менали, и на Питкерне не осталось более ни одного дикаря.

Когда окончилась эта ужасная бойня, четверо европейцев спокойно принялись за свои обычные занятия.

Прошло пять лет и число детей быстро увеличилось, женщины, занятые детьми, не подавали поводов к неудовольствию, когда новый случай снова опечалил колонию. Садовнику Мак-Кою удалось из корня *dracona terminalis* сделать водку, напиввшись не в меру своего изобретения, он в припадке безумия бросился вниз со скалы и разбился до смерти.

Спустя несколько времени у Кинталя умерла жена, тогда, забыв несчастные последствия, которые повлекли за собой подобное же требование Виллиама, он стал требовать, чтобы Юнг уступил ему свою любимую жену. Это странное требование было отклонено. Тогда Кинталь сделался мрачен и задумал убить своих товарищей, чтобы одному царствовать над островом. Однако, его план был открыт, и Юнг с Адамсом приговорили Кинталя к смерти.

Этот строгий приговор был вынужденной необходимостью, так как они не могли жить, находясь в постоянном беспокойстве за существование. Они сами привели свой приговор в исполнение.

Итак, Адамс и Юнг остались одни из всех мужчин, высадившихся на Питкерн, одиночество заставило их сосредоточиться на себе и привело к раскаянию и аскетизму.

Они ввели строгий порядок в жизни маленькой колонии, установили утренние и вечерние молитвы и воскресную службу, на которой обязаны были присутствовать все, начали строго воспитывать детей, и кончилось тем, что на Питкерне водворилась строгость нравов.

Через год после казни Кинталя, Юнг умер от болезни груди.

Адамс остался один с девятью женщинами и двадцатью двумя детьми от семи до девяти лет.

Он выстроил школу, являющуюся в то же время и храмом, и в 1824 году, более чем тридцать лет спустя после описанного нами события, когда одно английское коммерческое судно «Орель» случайно бросило якорь в Питкернской бухте, он мог с гордостью указать на то, что сделал, и признаться, что он последний оставшийся в живых из всего возмущившегося экипажа. Дети выросли и переженились между собою, и Питкерн, под отеческим управлением Адамса, имел семьдесят шесть человек жителей, из них тридцать шесть мужчин. Вскоре слухи об этой маленькой колонии распространились по всему свету, и все суда, ходившие в окрестностях, заходили по очереди на Питкерн и восхищались умом, честностью и чистотою нравов жителей.

Приезжие говорили Адамсу, который готов был во всякое время предстать перед судом, что преступление, в котором он участвовал, уже покрылось налетом давности.

Адамс вскоре стал известен под именем Питкернского Патриарха.

В конце 1825 года Англия послала на Питкерн военное судно «Blossom», чтобы принять Адамса и его колонию под свое покровительство и сообщить ему о прощении.

Капитан Беринг, командовавший этим судном, напечатал очень

интересный отчет о прибытии на Питкерн.

«Когда Питкерн был уже виден, все вышли на палубу, сгорая от нетерпения как можно скорее познакомиться с обитателями острова и узнать от них все подробности об участии „Bounty“, однако приближение ночи заставило отложить до утра исполнение наших желаний.

При восходе солнца мы заметили парусную лодку, приближавшуюся к нам.

Прежде, чем подъехать к судну, островитяне спросили нас, могут ли они войти. Получив разрешение, они вскочили на палубу и с видимым удовольствием пожали руки всем офицерам.

Старый Адаме, менее проворный, чем его спутники, вошел последним. Это был человек лет шестидесяти, чрезвычайно живой и сильный для своих лет, несмотря на значительную полноту. Одет он был в матросскую рубашку, панталоны и низкую шапку, которую держал в руках, когда с ним говорили.

Он в первый раз после возмущения находился на палубе военного судна, и это приводило его в некоторое смущение, но когда ему объявили о прощении, он успокоился.

Все островитяне, приехавшие с ним, отличались высоким ростом, силою и здоровьем, их доброта, простота манер, боязнь сделать что-нибудь нетактичное сквозила во всех их поступках.

Они с интересом расспрашивали о различных частях корабля и о нашем продолжительном плавании».

Ввиду выраженного гостями желания осмотреть колонию, старый Адамс пригласил командира и офицеров сойти на землю, он принял их в большой бамбуковой хижине, служившей училищем, и рассказал им события, только что переданные мною, которые я сам слышал от плотника Бембриджса, внука Адамса.

Когда, наконец, «Blossom» покинул остров, он утвердил окончательно за Адамсом название Патриарха Питкерна.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)